КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

Вильгельм Райх: по ту сторону осуждения и поклонения¹

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МРА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

Статья посвящена психоаналитическому исследованию жизни и творчества одного из наиболее ярких психоаналитиков начала XX века, «любимого сына» Фрейда Вильгельма Райха. Будучи блестящим клиницистом, в первый, венский психоаналитический период своего творчества (1921–1934) Райх разработал важнейшие концепции техники психоанализа, которые продолжают питать его развитие вплоть до настоящего времени. Во второй, скандинавский период (1934–1939) Райх заложил основы современного телесно-ориентированного психоанализа и психотерапии. Третий, американский период его творчества (1939–1957) оказался радикальным уходом из психоаналитического и даже психотерапевтического пространства в биоэнергетику и оргонную терапию с использованием сконструированных им аккумуляторов энергии. В статье детально анализируется влияние личной истории и непроработанных внутренних конфликтов В. Райха на всевозможные коллизии его жизни и творчества.

Ключевые слова: Райх, психоанализ, теория оргазма, характероанализ, сопротивление, перенос, броня характера, телесная броня, телесно-ориентированная психотерапия, биоэнергетика.

¹ Вступительная статья к книге Райх В. Характероанализ: техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков (под общей ред. А.В. Россохина). М.: Республика, 1999. С. 5–32.

В апреле 1997 года в Неаполе (Италия) состоялся международный конгресс, посвященный столетию со дня рождения одного из самых ярких и талантливых, но вместе с тем противоречивых исследователей и мыслителей первой половины нашего века – Вильгельма Райха. Этот юбилей Райха почти совпал со столетием психоанализа, официальную дату возникновения которого отмечали в 1996 году². Психоанализ – единственная область науки, где достижения Райха были открыто признаны³, но вместе с тем именно на противостояние с ним он направил все свои силы и сделал, по-видимому, все возможное для того, чтобы его вклад в теорию и практику психоанализа был обесценен, вытеснен и во многом перестал идентифицироваться с его именем.

Очень трудно дать достаточно беспристрастное описание жизненного пути Вильгельма Райха и объективный анализ его научных работ. Это непросто, так как, с одной стороны, личность Райха, его теоретические и практические исследования захватывают, увлекают, открывают новые пути, но, с другой стороны, они же вызывают несогласие, недоумение и отрицание, иногда граничащее даже с осуждением и желанием поставить психопатологический диагноз.

Такая последовательность эмоций в отношении Райха (от положительных к негативным) со стороны близких ему людей постоянно преследовала его в повседневной и научной жизни. Только одному человеку удалось пройти весь путь с ним от начала и до конца. Неизвестно, каким образом в данном случае сильная положительная привязанность к Райху выдержала все провокации, но скандинавский психоаналитик Ола Ракнес, будучи по возрасту старше Райха, на протяжении более двадцати лет считал себя его учеником, сотрудником и другом. Все остальные ученики и соратники Райха или были отвергнуты самим учителем, или ушли от него, ощущая разочарование, испытывая агрессивные эмоции и даже ненависть. Позднее, когда их чувства успокаивались и время ослабляло негативное восприятие Райха, многие из его прежних учеников и сотрудников вспоминали о нем с глубокой благодарностью и признательностью, потому что, несмотря на свой невыносимый характер, он открыл перед ними новые перспективы психоаналитической терапии, научил их более тщательной и эффективной работе с пациентами.

При знакомстве с биографией Вильгельма Райха трудно избавиться от ощущения, что в его жизни было очень мало спокойных, счастливых периодов. Иногда даже кажется, что весь мир постоянно обрушивался на него и его работу, и хрупкие островки жизненного благополучия и признания, едва возникнув, вскоре исчезали в бушующем океане враждебного окружения. Однако более глубокое понимание драмы его жизни позволяет увидеть все в ином свете: он сам с упорством обреченного искал бури и если не мог ее найти, то создавал своими силами.

² В 1896 году З. Фрейд впервые применил в клинической практике метод свободных ассоциаций.

³ Все остальные теории Райха в области социальной психологии и психиатрии, сексологии, психофизиологии, биологии, биофизики никогда не были признаны академической наукой.

Скандалы, слухи, сплетни о нем, конфликты с друзьями и властями были постоянными спутниками его жизни. Борясь всю свою жизнь, он стремился победить, одновременно провоцируя поражение.

Детство Вильгельма Райха также не было безоблачным. Он родился 24 марта 1897 года в той части Галиции, которая тогда принадлежала Австрийской империи. Вскоре после рождения сына отец Райха купил большую ферму в Буковине, украинской части Австрии, и перевез туда свою семью. Работа на ферме приносила большой доход и сделала его отца богатым человеком. Отец Райха был весьма властным, деспотичным человеком, с крайне вспыльчивым и раздражительным характером. Его мать была красивой женщиной и хорошей домохозяйкой, но находилась в полном подчинении у мужа. Бабушка Райха называла свою дочь «немой» за то, что она не высказывала собственного мнения. Отец Райха был влюблен в жену, однако изводил ее своей ревностью.

Авторитарная атмосфера, в которой рос и воспитывался Райх, по-видимому, оказала на него сильное влияние. Амбивалентное отношение к отцу (любовь и ненависть) в детстве выражалось у Райха в фантазиях о том, что он в действительности не был сыном своего отца.

Отношения с матерью у Райха были еще более сложными. Подобно отцу он боготворил и идеализировал ее, одновременно испытывая сильную ревность, которая была направлена не только на отца, но и на младшего брата Роберта. Братья очень отличались друг от друга. Сам Райх, по-видимому, бессознательно старался быть похожим на отца (позднее, описывая подобное поведение у своих пациентов, он будет называть его идентификацией с фрустрирующей личностью). Роберт же имел более мягкие черты характера, что, возможно, давало ему определенное преимущество перед Райхом в борьбе за любовь матери. С самого начала Райх не хотел рождения брата, а ждал появления сестры. Когда ему сказали, что родился мальчик, он ответил, что это его не интересует, и попросил, чтобы брата унесли обратно. Их соперничество друг с другом проявлялось во всем, и можно предположить, что Райх, будучи не способным превзойти брата в главном (в любви матери), упорно пытался победить его во всем остальном.

Райх получил школьное образование дома, занимаясь с репетиторами, нанятыми его отцом. В возрасте 14 лет он стал участником страшного события, оправиться от которого он так и не смог до конца жизни. Личный биограф В. Райха, его третья жена Ильза Оллендорф, пишет, что Райх никогда не говорил на этот счет ничего определенного, но из разговоров с родственниками Райха, его близкими друзьями, без сомнения, следует, что четырнадцатилетний Вильгельм, обнаружив интимную связь матери с одним из своих репетиторов, рассказал об этом отцу (*Ollendorff*, 1969). О том, что произошло дальше, зная характер отца и матери, можно только догадываться. Известен результат – его мать покончила с собой. Отец Райха, очень любивший свою жену, по-видимому, психологически сломался, и от прямого самоубийства его удерживала только ответственность за двоих сыновей. Однако утрата интереса к жизни и бессознательное желание смерти привели к тому, что в результате многочасового

пребывания в холодной воде с удочкой он заболел пневмонией, которая переросла в туберкулез. Он умер через три года после смерти жены, в 1914 году. Кошмар тех лет принес столько страданий Райху, что он так и не смог на протяжении всей последующей жизни встретиться с ним лицом к лицу.

Позднее, в своих психоаналитических исследованиях, он будет много говорить о незавершенных эмоциональных переживаниях и об их участии как в формировании невроза, так и в сопротивлении пациента психоаналитической терапии. Однако, по-видимому, его сознание оказалось не в состоянии преодолеть собственную психологическую защиту (на языке Райха – броню характера), препятствующую встрече со страдающей частью своей личности, хранящей трагические воспоминания. Райх несколько раз начинал личный психоанализ, но никогда не мог его завершить.

После смерти отца Райх взял на себя его обязанности по работе на ферме и продолжал учиться. В 1914 году разразилась Первая мировая война, а в 1916 году Вильгельм был призван в армию, где стал офицером. Вернувшись с войны в 1918 году, Райх поступил на юридический факультет Венского университета, но, разочаровавшись к концу первого семестра в сделанном выборе, перевелся на медицинский факультет. Как у ветерана войны, у него было право пройти шесть лет обучения экстерном за четыре года. В 1922 году Райх закончил университет и получил медицинскую степень. В последующие два года он продолжил обучение на психиатра.

Это были трудные годы для Райха и его брата. Их ферма была разрушена. Война уничтожила все сбережения. Все время обучения в университете Райх носил военную форму, так как не мог позволить себе купить костюм. Братья вместе с еще одним студентом снимали небольшую квартиру и часто недоедали.

Во время учебы на первом курсе Райх посетил лекцию по психоанализу. С этого момента начинается отсчет бурного, интенсивного и плодотворного психоаналитического периода его жизни. Присущая ему энергия, живой ум и работоспособность резко выделяли его из студенческой среды. Одна из студенток, учившихся вместе с ним, позднее вспоминала, что он был лидером в студенческих дискуссиях и многие стремились быть его друзьями. Но некоторые не любили Вильгельма, по ее мнению, завидуя его яркости. Творческая активность Райха привела к тому, что он, будучи студентом первого курса, был принят в члены Венского психоаналитического общества, несмотря на то что, по правилам на это мог рассчитывать только старшекурсник.

В 1921 году Райх победил многих соперников в борьбе за сердце одной из самых красивых студенток университета, Анни Пинк. Их семейный союз продлился с 1921 по 1933 год и по сути совпал с психоаналитическим периодом жизни Райха. (В 1934 году его исключили из Международной психоаналитической ассоциации.) Райх вовлек Анни в психоаналитическое движение, и впоследствии она стала одним из известных психоаналитиков (*Reich A.*, 1951, 1958). Первый доклад в Венском психоаналитическом

обществе Райх сделал 14 декабря 1921 года. Его выступление было посвящено психо-аналитической интерпретации истерических симптомов. Фрейд сравнил тогда доклад Райха с несущимся на большой скорости поездом, пассажиры которого пытаются бежать рядом, чтобы запрыгнуть на него, но не успевают сделать этого. Поразительно, насколько эта первая метафора Фрейда, обращенная к Райху, схватывала и предвосхищала главную жизненную, во многом, видимо, бессознательную и защитную стратегию Райха. Взаимоотношения с близкими для него людьми, как с женами (Райх был трижды женат), так и с друзьями и сотрудниками, всегда подчинялись у него одному-единственному критерию – способности этих людей соответствовать интересам Райха и идти в фарватере его идей. Используя метафору Фрейда с поездом, можно сказать, что люди могли стать близкими для него только тогда, когда у них хватало сил бежать рядом с ним, с его скоростью и в его направлении или, что часто случалось, когда они просто делали вид, что движутся рядом. Если у бегущего рядом с Райхом человека заканчивались силы, – он хотел передохнуть или пойти в другую сторону, – то Райх расценивал это как слабость или предательство, и такой человек переставал для него существовать. Этот начальный опыт взаимоотношений воспроизводился у Райха раз за разом с юности и до последних лет его жизни.

С 1921 года Райх регулярно выступал с докладами в Венском психоаналитическом обществе и публиковал статьи в Международном журнале психоанализа. В 1922 году Фрейд открыл в Вене психоаналитическую клинику, и Райх стал его первым клиническим ассистентом. Фрейд высоко оценивал Райха не только как практикующего врача, но и как подающего большие надежды молодого ученого. В разговоре с Анной Ангель, подругой своей дочери Анны Фрейд, он охарактеризовал Райха как «умнейшую голову в ассоциации» (Reich, 1967). С 1928 года Райх занимал должность вице-директора этой клиники, которую оставил в 1930 году в связи с переездом в Берлин. В течение этого же периода – с 1924 по 1930 год – Райх был директором Технического семинара по психоаналитической терапии, являвшегося тренирующим институтом для психоаналитиков. Идея организации Технического семинара принадлежала В. Райху. Он обсудил ее с Фрейдом и получил его полное одобрение. Многие американские психоаналитики, приезжавшие в Вену, не только проходили обучение у Райха, но, следуя совету Ш. Ференци, работавшего с 1926 года в Нью-Йорке, шли к Райху для прохождения своего личного анализа и супервизии. Аналитики, посещавшие в те годы семинар Райха в Вене, вспоминают об этом обучении как об одном из наиболее провокационных и увлекательных моментов в своем психоаналитическом образовании. Жизненная энергия Райха, быстрота его ума и проницательность захватывали всех. Умение имитировать характерные для различных психических заболеваний стереотипы поведения, телесные позы и невротические выражения лица помогали Райху добиваться лучшего усвоения студентами нужного материала. Для многих психоаналитиков характероанализ, которому они обучились на этом семинаре, стал неотъемлемой частью их дальнейшей аналитической работы с пациентами (Greenfield, 1974).

К функциям Технического семинара, которым руководил Райх, относилось не только обучение, но и проведение научных исследований, разработка новых методов психоаналитической терапии. Под влиянием Райха обсуждения на семинаре стали все больше сосредоточиваться на проблемах анализа сопротивления. Это было вызвано реакцией Райха на «интерпретационный фанатизм» (термин Ш. Ференци и О. Ранка), которым, с его точки зрения, были охвачены многие практикующие аналитики. По Райху, стремление путем интерпретаций сновидений и ассоциаций пациента восстановить драматические моменты его жизни способно привести в лучшем случае к «психоаналитическому образованию» пациента и к рациональному пониманию им причин своих проблем. Более того, готовность пациента принять интерпретации сама по себе часто свидетельствует о наличии сильного сопротивления встрече с бессознательным содержанием. В одних случаях пациент может свободно ассоциировать или рассказывать свои многочисленные сновидения, поставляя аналитику «богатый» материал для интерпретаций. Пациент может соглашаться с ними, но при этом он ничего не чувствует – эмоциональная составляющая воспоминаний остается вытесненной, и лечебный эффект полностью отсутствует⁴.

В других случаях он «плачется в жилетку» аналитика, выговариваясь и эмоционально разряжаясь, но при этом он остается на поверхностном, безопасном уровне своих переживаний. В обоих случаях аналитик, подверженный интерпретационному фанатизму, может быть доволен – терапия идет интенсивно, материала много, рабочие отношения с пациентом успешно построены. Но это не более чем иллюзия, и, когда спустя значительное время аналитик понимает, что пациент все время движется по кругу, не уходя вглубь, он уже обычно бессилён чем-либо помочь пациенту. Положительный или отрицательный перенос достигает такой интенсивности, которая мешает его проработке. Эмоциональные переживания захватывают пациента, и у него возникает сильное сопротивление аналитической работе, вплоть до решения прекратить лечение. «Райх и его коллеги по Техническому семинару вырабатывали в себе подозрительность по отношению к лечению, которое шло слишком успешно. Они часто обнаруживали, что избыток снов, ассоциаций и ясных символов скрывало сильное сопротивление анализу. Сопротивление психоаналитическому процессу наблюдается как сопротивление переносу, бессознательное противодействие оживлению прошлого в психоаналитических отношениях» (*Cattier, 1975, p. 37*).

В. Райх рекомендовал в начале анализа интерпретировать только сопротивление переносу и не давать глубинных и генетических интерпретаций, так как последние, какими бы они ни были верными, не имеют никакого смысла до тех пор, пока не осознано поверхностное сопротивление. Вместо оказания помощи пациенту в его воспоминаниях о событиях его детства Райх настаивал на большей активности при анализе

⁴ Райх первым описал защитный механизм отделения аффекта от его когнитивной составляющей. Этот защитный механизм представляет собой один из видов изоляции.

сопротивления «здесь и теперь». На первых же аналитических сессиях Райх, замечая видимые проявления сопротивления, обращал внимание пациента на связь между сопротивлением и переносом, говоря ему, что тот имеет что-то против него, но не осмеливается об этом сказать. Если интерпретировать материал, относящийся к глубинным уровням бессознательного, до проработки и осознания возникающего сопротивления переносу, то пациент не осознает интерпретации и либо защитным образом принимает ее, делая «подарок» аналитику в надежде получить ответный дар (позитивный перенос), либо отвергает, с детским упрямством мстя и поступая назло (агрессивный перенос). Прежде чем помочь пациенту осознать свои внутренние конфликты, аналитик должен показать ему, как он от них защищается, что он для этого делает, и помочь ему понять, почему эта защита и сопротивление могут быть ослаблены.

Пионерские исследования Райха относительно функции сопротивления и переноса в терапевтических взаимоотношениях «пациент – аналитик» возродились в современном психоанализе в работах Гилла, Клаубера, Кохута, Сандлера, Томэ, Кэхеле и др. Перечисленные психоаналитики сходятся в том, что «с терапевтической точки зрения очень важно распознать сопротивление переносу как можно раньше» и что для успешной работы «аналитик должен исследовать ситуационный аспект сопротивления» (Томэ, Кэхеле, 1996, т. 2, с. 221–222). Этот подход продолжает линию исследований Райха, в соответствии с которой анализ необходимо начинать с тщательного изучения и интерпретации сопротивления и переноса в ситуации «здесь и теперь».

Интересно, что на новом уровне знаний в 80-е годы между ведущими современными психоаналитиками возобновился старый спор о феноменах сопротивления в аналитической технике, который в 30-е годы вели между собой А. Фрейд, О. Фенихель, М. Кляйн, В. Райх. Для Л. Рэнгелла, последователя Анны Фрейд, аналитическая работа в первую очередь направляется на активизацию воспоминаний, оставляя в стороне аспекты реального взаимодействия аналитика и пациента. Сандлер противопоставляет позиции Рэнгелла новую теорию переноса. Анализ того, что происходит «здесь и теперь» в аналитическом взаимодействии, стал предшествовать по времени реконструкции инфантильного прошлого. Если пациент использовал защиту внутри аналитической ситуации, включающей его и аналитика, это рассматривалось как перенос и все больше становилось центром внимания аналитика. Вопрос «Что сейчас происходит?» стал задаваться прежде вопроса «Что материал пациента говорит о его прошлом?» (Томэ, Кэхеле, 1996, т. 1, с. 115). Такое подчеркивание важности анализа сопротивления переносу в ситуации «здесь и теперь», как справедливо отмечают Томэ и Кэхеле, не представляет собой ничего принципиально нового по отношению к теориям Ференци и Райха.

Эти принципы психоаналитической техники, которые кажутся такими естественными сейчас для профессиональных и обучающихся психоаналитиков, в то время представлялись не просто спорными, но в определенной мере крамольными. Провозглашая кроме этого конечной целью

психоаналитической терапии достижение пациентом оргиастической потенции, существенной составляющей которой является обретение способности к полноценному оргазму, Райх еще больше усугублял свое положение в психоаналитических кругах. Осознавая это, он «в течение нескольких лет вел себя тактично по отношению к своим оппонентам, избегая слишком прямой формы выражения своих идей» (Cattier, 1975, p. 40).

В декабре 1926 года Райх выступил на Техническом семинаре с очередным докладом, посвященным анализу сопротивления. На этом заседании присутствовал З. Фрейд. Позднее Райх вспоминал: «В качестве узловой проблемы я выделил вопрос "Следует ли интерпретировать инцестные стремления пациента при наличии негативного латентного отношения с его стороны или нужно ждать до тех пор, пока недоверие пациента не исчезнет?". Фрейд прервал меня: "А почему бы нам не интерпретировать материал в том порядке, в котором он появляется? Конечно, нужно анализировать и интерпретировать инцестные фантазии (сны), как только они появляются". Этого я не ожидал. Я продолжал аргументировать свою точку зрения, но вся идея была целиком чужда Фрейду. Он не понимал, почему нужно анализировать сопротивление вместо самого материала. В частных беседах о способах лечения он, кажется, думал по-другому. Атмосфера встречи была неприятной. Мои оппоненты на семинаре злобно смотрели на меня или жалели меня. Я оставался спокоен» (цит. по: Cattier, 1975, p. 41).

Клиническая практика, теоретическая и семинарская работа, которые проводил Райх, проложили дальнейший путь от анализа сопротивления к анализу характера. В отличие от академической психологии в психоанализе «под характером обычно понимаются не те свойства человека, которые наиболее характерны для него как единственного в своем роде индивида, а те, которые позволяют отнести его к одному из существующих характерологических типов. Это обусловлено тем, что определенные черты характера можно понимать или как: а) производные тех или иных фаз развития либидо и Эго или как б) аналог симптомов, т. е. защитный образ действия» (Райкрофт, 1995, с. 101).

В первом случае различают оральный, анальный, фаллический и генитальный характеры, во втором – истерический, фобический, фаллически-нарциссический, мазохистский, шизоидный, обсессивный и др. Именно второй аспект психоаналитического понимания характера сформировался во многом благодаря работам Райха.

По мере изучения различных способов проявления сопротивления и переноса в анализе Райх все больше убеждался, что различные защитные стереотипы не существуют изолированно и независимо друг от друга, а представляют собой единую защитную систему – «броню», «панцирь» характера, – обладающую качественно новыми системными свойствами. Эта «броня» характера, подобно биологической гидре, имеет свойство регенерации. Ослабив какую-либо ее часть (определенное сопротивление), можно получить некоторое временное облегчение и инсайт (эмоциональное осознание глубинных причин своих проблем), но через некоторое время «броня» залатает брешь в своей «кольчуге». Согласно Райху,

без осознания этих характерных черт «брони», принципиально не сводимых к функциям отдельных защит, очень сложно добиться действительно устойчивого изменения личности.

Райх подробно исследовал, как эта мощная защитная система, «броня» характера, проявляется на всех уровнях человеческого поведения: в речи, жестах, специфических позах, характерных телесных привычках, мимике лица, стереотипах поведения, способах общения с аналитиком и т. п. Он не понимал, почему его коллеги пренебрегают анализом поведения пациентов. Почему в анализ вводится исследование словесных оговорок, помогающих лучше понять бессознательные процессы, но игнорируются «телесные» и «поведенческие» оговорки, во многих случаях более информативные, чем речевые ошибки. Райх первым из психоаналитиков акцентировал внимание на тонких, еле уловимых проявлениях сопротивления. Так как бессознательные защиты активны, они порождают видимые для профессионального взгляда характерные физические, эмоциональные, поведенческие реакции. То, «как» рассказывает пациент об эмоционально тяжелом для него событии, часто гораздо важнее того, «что» он рассказывает. Это «как» может дать много важной информации не только о действительных эмоциях, желаниях и страхах пациента, но и о тех защитных приемах, которые он использует, чтобы не допустить осознания опасных для него переживаний.

Постепенно логика исследований привела Райха к пониманию экономической функции «брони» характера – поддержанию психического равновесия (хотя оно может быть и невротическим), связыванию свободной тревоги и поглощению не нашедшей выхода энергии. Тревога, возникающая под воздействием угрожающих внутренних и внешних стимулов, может быть заблокирована путем усиления определенной части «брони», и в результате этого будет обнаруживаться не в невротических симптомах, а в невротических чертах характера. За иллюзию благополучия приходится платить двойную цену. Невротические черты характера воспринимаются человеком как врожденные и, следовательно, неизменные – «такой уж у меня характер», – в отличие от невротических симптомов (например, боязни замкнутого пространства, навязчивых мучительных мыслей и т. п.), которые отчетливо видны и побуждают человека искать пути их устранения.

Райх противопоставлял свои исследования доминировавшей в то время в психоанализе точке зрения, разделявшей невроты характера и психоневроты. Он считал, что между ними не существует различий, и утверждал, что все невротики обладают невротическим характером с наличием симптомов или при их отсутствии. В случае психоневроза симптом порождается невротическим характером, а при неврозе характера «симптомами этого невроза являются черты характера» (Ч. Райкрофт). Симптомы, по Райху, не могут развиваться без невротического характерологического базиса, который формируется постепенно, начиная с первых лет жизни. Чтобы понять, как возникают черты характера, необходимо представлять себе, какие усилия должен был затратить пациент в детстве и через какую внутреннюю борьбу должен был тогда пройти, чтобы успешно

социализировать свои инстинкты и вместе с тем в какой-то мере сохранить их» (*Cremierus*, 1969). В ходе постоянной выработки компромиссов между собственными импульсами и социальными требованиями может сформироваться невротическая структура характера, «одетая» в еще более крепкую защитную оболочку – «панцирь», или «броню», которая сводит потенциально многообразное поведение человека к относительно небольшому набору жестких и стереотипных реакций. Тревожность удерживается на приемлемом уровне, невротическое равновесие сохраняется, но цена этого – обеднение личности, потеря естественной эмоциональности и в конечном счете невозможность получать наслаждение от жизни и работы.

Так как, согласно Райху, психоневрозы основываются на невротическом характере, в ходе их лечения всегда проявляется сопротивление характера. «Броня» характера, удерживающая невротическое равновесие, является главным фактором, питающим различные формы возникающего в анализе сопротивления. Придя к такому пониманию, Райх дополнил свою теорию анализа сопротивления следующим логическим этапом – любая аналитическая работа должна начинаться с анализа сопротивлений и двигаться в направлении анализа характера. Это явилось фундаментальным открытием Райха и оказало значительное влияние на развитие психоаналитической науки и практики. «Райх систематизировал теорию защитных механизмов с точки зрения терапевтической техники в своем тщательном анализе сопротивления, который в конце концов нашел свое завершение в его строгой теории характероанализа» (Томэ, Кэхеле, 1996, т. 2, с. 217).

Действительного, а не временного терапевтического успеха, по Райху, невозможно достичь без тщательной проработки сопротивлений и характера пациента. З. Фрейд в начале 30-х годов дистанцировался от нововведений Райха, но позднее, в 1937 году, признал первоочередную необходимость анализа защитных тенденций Я (Эго). «Таким образом, Фрейд принял идеи, которые Анна Фрейд включила годом раньше в свою книгу "Эго и механизмы защиты" (1937). Райх указывал еще в 1933 году, что коренящееся в характере индивида сопротивление, рассматриваемое как приобретенный панцирь Я, часто стоит на пути прогресса в анализе. Перемены, происшедшие в психоанализе после введения структурной теории и теории защитных механизмов, наряду с возросшим, благодаря влиянию В. Райха, значением анализа сопротивления и анализа характера, привели к увеличению продолжительности анализа» (Томэ, Кэхеле, 1996, т. 1, с. 450).

Райх считал, что психоаналитик не должен сразу же доверять откровениям пациента, которые могут быть в действительности не более чем красивыми защитными рисунками на «броню» характера. Пациент бессознательно «мимикрирует» в аналитической ситуации, вызывающей у него повышенную тревожность. Необходимо обращать тщательное внимание на подлинность его чувств и переживаний. В характероанализе Райх еще дальше ушел от пассивной аналитической техники и роли терапевта как простого интерпретатора предоставляемого пациентом материала (*Bálint*, 1934; *Sterba*, 1934).

Его активная техника⁵ включала в себя анализ сопротивления и переноса в ситуации «здесь и теперь», анализ характерной «брони» и в целом характера пациента. Райх писал: «При характероанализе мы задаемся вопросом, почему пациент обманывает, говорит путано, аффективно отгорожен и т. д. Мы пытаемся пробудить его интерес к особенностям своего характера, чтобы с его помощью аналитически выяснить их смысл и происхождение. Таким образом, мы просто поднимаем ту черту характера, от которой исходит кардинальное сопротивление, над уровнем личности, показываем пациенту, если это возможно, поверхностные связи между характером и симптомами... При этом мы в принципе действуем не иначе, чем при анализе симптома; при характероанализе добавляется лишь то, что мы должны неоднократно изолированно показывать пациенту черту его характера до тех пор, пока он не обретет к ней дистанцию и не настроит себя к ней, как, скажем, к мучительному симптому навязчивости. Потому что благодаря дистанцированию и объективированию невротического характера последний начинает восприниматься пациентом как некое инородное тело и наконец образуется некоторое понимание болезни» (Райх, 1999, с. 78).

Еще один значительный вклад В. Райха в психоаналитическую теорию и технику связан с новым (по отношению к теории З. Фрейда) пониманием контрпереноса. В 20-е годы у практикующих специалистов существовала сильная тенденция слишком буквально следовать фрейдовским рекомендациям по технике анализа пациентов. Одним из самых суровых психоаналитических табу в то время был запрет на появление контрпереноса в аналитическом процессе. Фрейд считал, что личность пациента и его переживания могут активизировать у психоаналитика его собственные непроработанные комплексы и активизировать контрперенос, под которым понимались любые формы неблагоприятного влияния терапевта на пациента. Задача психоаналитика состояла в том, чтобы исключить саму возможность такого контрпереноса, нарушающего введенный Фрейдом «принцип зеркала»: врачу следует быть непроницаемым для своих пациентов, и, подобно зеркалу, ему не следует показывать ничего, кроме того, что показывают ему. В. Райх и здесь был одним из первых психоаналитиков, дерзнувшим посягнуть на святая святых и в определенном смысле поплатившимся за это. Он описывал связь контрпереноса и эмпатического восприятия – переживания аналитиком тех же эмоциональных состояний, которые испытывает пациент. Эта же взаимосвязь была отмечена и в работах Дойч (1926), Ференци (1919), Ференци и Ранка (1924), Штерна (1924). Тем не менее еще в течение более 20 лет публикации на тему позитивного использования контрпереноса в психоанализе могли дискредитировать исследователя и подвергнуть сомнению его профессиональный статус. Страх перед контрпереносом заставлял многих психоаналитиков подавлять свои собственные чувства и механистично реагировать на пациентов в соответствии с предписанными теорией правилами и нормами. Однако в реальной аналитической практике именно желание устранить

⁵ Не путать с активной техникой Ш. Ференци.

контрперенос и вследствие этого блокирование естественного поведения часто дают обратный эффект и вызывают появление «слепых пятен на зеркале».

Контрперенос был реабилитирован только в 50-х годах благодаря работам П. Хайманн, Д. Винникотта, А. и М. Балинтов и др. Со статьи Паулы Хайманн «О контрпереносе», опубликованной в 1950 году, ведется отсчет «новой жизни» контрпереноса. «Сопоставляя чувства, возникающие в нем самом благодаря ассоциациям и поведению его пациента, – пишет Хайманн, – аналитик владеет наиболее ценными средствами для проверки того, понял ли он пациента или нет» (Хайманн, 2000).

Согласно Отто Фенихелю, страх перед контрпереносом может привести к подавлению любой естественной человеческой эмоции в реакциях аналитика на пациента. Фенихель отмечает, что пациенты, прежде находившиеся на лечении у другого аналитика, часто выражали удивление по поводу его свободы и естественности. Они считали, что аналитик – это некая особая личность и что ему не позволено быть человеческим, хотя должно было бы преобладать прямо противоположное впечатление. Необходимо, чтобы пациент мог положиться на человечность своего аналитика (Томэ, Кэхеле, 1996, т. 1, с. 134). В этих аргументах Фенихеля нетрудно увидеть влияние Райха, для которого естественность эмоциональных проявлений была краеугольным камнем как клинической, так и теоретической работы. Те же ростки, посеянные Райхом, мы встречаем позднее у Хайманн (1978), которая в работе «О необходимости для психоаналитика быть естественным со своим пациентом» признает терапевтическую ценность естественного поведения наряду с нейтральностью и анонимностью.

Здесь хотелось бы вернуться к рассказу о жизненном пути и творческой биографии Райха, который я прервал, чтобы акцентировать определенные теоретические положения, постепенно сложившиеся у него в концепцию характероанализа.

В 1926 году от туберкулеза умирает брат Райха, Роберт. Чтобы оценить влияние этого события на Райха, следует принять во внимание несколько обстоятельств. Раннее соперничество братьев за любовь матери и признание отца порождало их амбивалентное отношение друг к другу. В 1918 году, когда братья остались без средств к существованию, они приняли совместное решение, что Вильгельм будет учиться первым, а Роберт будет зарабатывать деньги на их проживание. После того как старший брат закончит учебу, он поможет младшему получить образование. Первые, самые тяжелые годы учебы Райха младший брат был рядом и выполнял свои обязательства. Затем он переехал к родственникам в Румынию, где женился, и у него родился ребенок. В 1922 году Райх закончил университет, а к 1924 году его психоаналитическая практика начинает приносить значительный доход. После рождения дочери Евы семья переезжает в большую квартиру, которую Райх обставляет дорогой и элегантной мебелью. В 1925 году без приглашения со стороны Райха в Вену приезжает Роберт с женой и ребенком, больной туберкулезом и без денег.

Относительно того, какими были взаимоотношения между братьями после приезда Роберта, достоверно ничего неизвестно. По этому поводу Ильза Оллендорф отмечает, что, согласно одним источникам информации, Райх помогал брату деньгами и следил за тем, чтобы он получал должное медицинское лечение; по другим сведениям, он, напротив, отказал брату в помощи (*Ollendorff, 1969, p. 13*).

Выше уже было отмечено, что в жизни Райха прослеживается устойчивый стереотип взаимоотношений с близкими людьми: он использует их, а позднее, когда их помощь и поддержка теряют для него значение, бросает или отдаляет их от себя. Бессознательное чувство вины, которое он при этом испытывает, часто выносится вовне: виноватым становится или сам человек, или окружающая его реальность. Так, в случае с братом Райх обвинял румынских родственников, которые не обеспечили Роберту безбедного существования, что и привело к развитию заболевания.

Смерть брата, по-видимому, активизировала глубинные внутренние конфликты Райха, тем более что она ассоциативно воскрешала к жизни тяжелые переживания (отец Райха также умер от туберкулеза). Возможно, именно смерть брата в действительности и повлияла на решение Райха в том же 1926 году прекратить личный анализ. Сопrotивление осознанию активизировавшегося драматического опыта ранних лет резко возросло и привело к уходу из аналитической ситуации. Это, по всей видимости, не осознавалось Райхом как бегство от переживаний, а рационализировалось как протест против неспособности работавшего с ним аналитика понять глубину его внутренних конфликтов. То понимание, принятие и прощение, которые Райх бессознательно желал получить от матери и отца, а позднее от брата и которые он уже не мог получить от них, он пытался найти у своего психоаналитика.

Фрейд был для такого переноса самой подходящей фигурой. Не возникает сомнений, что Райх относился к Фрейду как к своему отцу⁶. В отличие от многих близких к Фрейду аналитиков, он имел свободный доступ в дом Фрейда и мог посещать его в любой момент, когда ему требовалось обсудить с Фрейдом возникающие проблемы. Фрейд высоко оценивал выдающиеся способности Райха и говорил о нем как о «любимом сыне» и одном из своих самых блестящих учеников⁷. Возможно, не осознавая этого, именно на Фрейда, ставшего замещающей отца фигурой, Райх и возлагал надежды на «искупление своих грехов».

Наверное, поэтому, прекратив личный анализ, Райх сразу же, в начале 1927 года, просит Фрейда стать его аналитиком. При этом он прекрасно знал правило, которое Фрейд никогда не нарушал, – не анализировать

⁶ В 1935 году в письме к Лотте Лиебек от 30 марта Райх пишет: «Я был так несправедлив к себе, работал столько лет и считал, что моя теория генитальности основана на идеях Фрейда. Это совершенно просто объясняется моей фиксацией на Фрейде как на отце. Я надеюсь, что смогу однажды порвать с этим» (*Reich, 1994, p. 41*).

⁷ В монографии двух известных французских психоаналитиков, титулярных членов Парижского психоаналитического общества Жанин Шассеге-Смиржель и Бела Грюнберже, Вильгельм Райх характеризуется как «психоаналитик, провозглашенный в середине 20-х годов XX века наиболее блестящим учеником Фрейда, но разошедшийся со своим учителем из-за собственных экстремистских политических и общественных взглядов» (*Chasseguet-Smirgel, Grunberger, 1986*).

никого из своего ближайшего окружения. Тем не менее – и это обстоятельство, возможно, значительно обострило проблемы Райха – Фрейд в течение некоторого времени раздумывал о возможности сделать исключение из правил. Как вспоминает Анни Райх, одно время это казалось возможным, но затем Фрейд принял окончательное решение – не нарушать правило – и отказал Райху (*Ollendorff, 1969, p. 13*). Отказ Фрейда был крайне болезнен для Райха – у него началась глубокая депрессия.

Если принимать во внимание возможность сильного отцовского переноса, который уже развился у Райха к этому времени, а также отсутствие личного анализа и работы с этим переносом, то можно предположить, что Райх бессознательно расценил решение Фрейда как отказ в принятии и прощении, а в конечном счете как отвержение и наказание от своего собственного отца. Возникшая при этом сильная фрустрация породила агрессию против Фрейда (отца), которая, в свою очередь, привела к возрастанию тревоги вследствие страха наказания. Тревога активизировала защитные механизмы, которые подавили негативные эмоции. Сильнейшее внутреннее напряжение и явилось, по-видимому, причиной глубокой депрессии.

В это же время Райх заболевает туберкулезом и проводит несколько месяцев в санатории в Давосе (Швейцария). Можно предположить психосоматическую причину этого заболевания. Обострившееся амбивалентное отношение к значимому внутреннему объекту в собственной психике (в данном случае – интроекту отца) порождает желание разрушить этот одновременно любимый объект. Возникающее вследствие этого желания самообвинение могло спровоцировать самонаказание, или «возмездие», того же рода, что и «преступление» (туберкулез), за которое человек бессознательно обвиняет себя.

Как считала Анни Райх (и с ней были согласны многие психоаналитики, близкие к Фрейду), во время этого пребывания в санатории у Райха начался «ухудшающийся процесс». По ее мнению, он вернулся в Вену летом 1927 года другим человеком – углубленным в свои проблемы и обеспокоенным ими. Однако третья жена Райха, Ильза Оллендорф, считает эту точку зрения ошибочной и в свою очередь объясняет ее рационализацией со стороны Анни Райх личных трудностей ее жизни с Райхом (*Ollendorff, 1969, p. 13*).

Как бы то ни было, рискну высказать еще одно соображение. Давос в настоящее время – одно из самых дорогих мест в мире. Скорее всего, и в то время прожить несколько месяцев в санатории в Давосе также мог себе позволить только достаточно обеспеченный человек. Годом раньше от туберкулеза умер брат Райха, и достоверно известно, что он проходил лечение только в самой Вене – Вильгельм не пытался отправить его в санаторий. Возможно, мысли на эту тему и чувство вины перед умершим братом добавили огня в уже разгоревшийся после отказа Фрейда внутренний конфликт в душе Райха. Его амбивалентные чувства к Фрейду усилились, и, вероятно, руководствуясь бессознательным желанием одновременно и отомстить Фрейду, и доказать ему, что он был достоин его любви, Райх, с одной стороны, перестал проводить мягкую дипломатию и начал

бескомпромиссно отстаивать свои теории, а с другой стороны, обратился к политической деятельности.

В интервью Курту Эйсслеру, хранителю архива З. Фрейда, Райх рассказывал: «Когда Фрейд работал над своей теорией инстинкта смерти, в которой говорится, что "несчастья имеют внутренние причины", я ушел туда, где были живые люди. С 1927 по 1930 год я работал отдельно, посвятив свои социологические исследования основным проблемам общества» (*Higgins and Raphael*, 1967, p. 42). В 1928 году Райх вступил в Коммунистическую партию Германии и активно участвовал в демонстрациях, митингах, выступая с программами социальной профилактики неврозов. Райх утверждал, что психоаналитики должны решать проблемы не только индивидуальных пациентов, но и общества в целом. Он пытался соединить марксистскую теорию и психоанализ (фрейдомарксизм). В 1930 году в рамках Коммунистической партии Германии он организует Ассоциацию пролетарской сексуальной политики (Sexpol), в которой состояло более 20 000 членов. В ходе своей политической деятельности Райх пропагандировал психоаналитические теории, чем вызывал сильное раздражение у коллег. Конфликт разрастался все сильнее.

Райх считал, что многие психоаналитики, завидуя его успехам и близким отношениям с Фрейдом, пытались оклеветать его перед учителем. Это имеет подтверждение, например, в отношении Пауля Федерна⁸, пытавшегося внести раздор между Фрейдом и Райхом – Фрейд сам отмечает это в двух письмах к Райху от 22.11.1928 и 10.10.1930 года. На вопрос, что именно явилось главной причиной решения Фрейда в начале 30-х годов отдалить от себя Райха – его провокационное поведение, советы доброжелателей или теоретические разногласия, – однозначно ответить вряд ли возможно. Во всяком случае, в письме от 27.07.1927 года Фрейд уверяет Райха, что он был в курсе разногласий и склок в психоаналитической организации и они не влияли на его высокое мнение о компетентности Райха, которое, впрочем, разделяли и многие другие психоаналитики (*Higgins and Raphael*, 1967, p. 10).

В научном плане Райх стремился пойти дальше Фрейда, ориентируясь на разработку теории оргазма (позднее – сексуальной экономики), способной стать, с его точки зрения, естественнонаучной, биологической базой психоанализа. «Целью терапии было сделать пациента способным к оргазму, но об этом не говорилось в первые годы существования Технического семинара. Я инстинктивно избегал этого вопроса: он никому не нравился и вызывал враждебность» (*Reich*, 1970, p. 98). Раньше, когда Райх чувствовал, что идет против течения, он избегал конфронтации со своими старшими коллегами. Позднее он перестал опасаться непонимания и осуждения, приняв позицию активного борца за «отделение научного от ненаучного в психоанализе». Так появился характероанализ (*Reich*, 1928): выбор названия и само построение словосочетания не

⁸ Пауль Федерн – венский психоаналитик, вице-президент Венского психоаналитического общества с 1924 по 1938 г. (год роспуска Общества нацистами).

случайны – это очевидное противопоставление психоанализу. Райх был искренне уверен в том, что его бескомпромиссная научная и политическая борьба абсолютно необходима и будет правильно оценена в будущем. К этому времени основные принципы характероанализа уже были сформулированы. В течение пяти лет Райх дорабатывал их, а в 1933 году опубликовал книгу «Характероанализ». Больше в рамках классического психоанализа он не сделал ничего, очевидно, перенеся всю активность с «вражеской на свою территорию».

Кроме субъективных были, конечно, и объективные причины разрыва Райха с психоанализом. Теоретические исследования Райха начинали все больше выходить за рамки фрейдовского подхода. Но в психоанализе, как в 30-е годы, так и в настоящее время, «концептуальные изменения приводят к глубинным профессиональным и личным конфликтам среди аналитиков» (Томэ, Кэхеле, 1996, т. 1, с. 136). Для высказывания идей, противоречащих общепринятой доктрине, сформулированной З. Фрейдом, требовались не только большая научная смелость, но и определенная тактичность, гибкость, отсутствие бессознательных тенденций, провоцирующих враждебность и отчуждение коллег. В 50-е годы Паула Хайманн, возможно в силу меньшей подверженности собственным внутренним конфликтам, смогла пройти по этому пути более успешно, чем В. Райх. Хайманн, несмотря на предостережение одного из своих учителей, М. Кляйн, не выступить на Международном психоаналитическом конгрессе в Цюрихе (1950) с докладом «О контрпереносе», решилась на выступление, но облекла его в деликатную защитную оболочку, приписав свое новое понимание контрпереноса Фрейду. Это в определенной мере смягчило «концептуальный взрыв», но тем не менее отклики многих психоаналитиков на новую теорию Хайманн содержали жесткие ненаучные выражения. В. Райх, в отличие от Хайманн, начиная с конца 20-х годов не только не стремился смягчать подобные взрывы, но даже провоцировал их.

Усиливающаяся политическая активность Райха, которую Э. Джонс позднее назвал политическим фанатизмом⁹, начала постепенно вызывать у руководителей Венского психоаналитического общества желание дистанцироваться от него. Фрейд посоветовал ему переехать в Берлин для прохождения личного анализа. Психоаналитики в Германии имели не такие консервативные взгляды, как в Вене, и Райх решил, что переезд будет способствовать его научной и политической деятельности. В Берлине, несмотря на возражение его жены Анни, психоаналитиком Райха стал Шандор Радо¹⁰. Анни была против анализа с Радо, так как знала, что тот через шесть месяцев уезжает в США и, следовательно, не успеет довести аналитический процесс до завершения. Согласно воспоминаниям Анни Райх, ее опасения оправдались – Радо оставил Райха в глубоком

⁹ «Фрейд высоко его оценивал, когда он начинал свою деятельность, но политический фанатизм Райха привел к личному и научному отчуждению» (Джонс, 1997, с. 409).

¹⁰ Радо Шандор – венгерско-американский психоаналитик, один из основателей Института психоанализа Американской психоаналитической ассоциации, экс-президент Американской психоаналитической ассоциации.

депрессивном состоянии, с неразрешенными внутренними конфликтами. Анни считала, что этот незаконченный анализ способствовал развитию «ухудшающегося процесса» у Райха. Именно в Берлине политическая деятельность Райха вышла за все неписанные границы психоаналитической идентичности. Переехав в Германию, Райх отправил своих дочерей, шестилетнюю Еву и двухлетнюю Лору, в Коммунистический детский дом. Спустя некоторое время Анни потребовала их возвращения домой, о чем потом горько сожалела. Райх лично следил за их политическим воспитанием и, по словам Анни, хотел, чтобы они были маленькими хорошими коммунистами. Разногласия между Анни и Райхом по вопросам воспитания детей, политической деятельности и психоаналитической практики все усиливались и привели в 1933 году к официальному разводу.

Приход Гитлера к власти в Германии заставил Райха эмигрировать в Данию. Совместно с другими немецкими коллегами он организовал в Копенгагене постоянно действующий семинар по обучению и практической стажировке датских психоаналитиков. В это же время Райх разорвал свои связи с коммунистической партией. Спустя шесть месяцев правительство не продлило его право на пребывание в Дании, и он переезжает в Швецию, где через некоторое время история повторяется. В 1934 году Райх обосновывается в Осло, где начинается «скандинавский» этап его научной деятельности.

В конце августа 1934 года Райх столкнулся с новой фрустрирующей ситуацией. На тринадцатом Международном психоаналитическом конгрессе, проходившем в Люцерне с 26 по 31 августа, он был исключен из рядов ассоциации. Сам Райх расценил это как результат организованной против него клеветнической кампании. В действительности же путь к этому решению был длиною в несколько лет, на протяжении которых Райх получал отчетливые знаки растущего неодобрения психоаналитического руководства. В течение 1933 года Германское психоаналитическое общество неоднократно просило Райха выйти из своих рядов (*Cattier, 1975, p. 53*). Райх категорически отказывался, считая, что его научный вклад в основы психоанализа полностью компенсирует неудобство, связанное с его политическими взглядами.

Перед конгрессом в Люцерне Райх получил письмо от секретаря Германского психоаналитического общества, в котором ему сообщалось, что в календаре-списке членов Международной психоаналитической ассоциации, выпускаемом к конгрессу Международным психоаналитическим издательством, не будет его имени. Далее это письмо содержало следующее: «Ситуация настоятельно требует не включать Ваше имя в список членов Германского психоаналитического общества. Я была бы Вам очень признательна, если бы Вы правильно оценили ситуацию и положение психоаналитического движения в Германии, поднявшись выше личных чувств, и согласились бы с этой мерой. Ваше положение в психоаналитическом мире как ученого и автора настолько значительно, что это упоминание Вашего имени не должно причинить Вам ни малейшей боли (как это было бы в случае с новичком). Кроме того, с признанием скандинавской группы на конгрессе и Вашего будущего членства в этой новой

группе сегодняшняя проблема утратит свою значимость» (*Higgins and Raphael*, 1967, p. 256).

Письмо содержало очевидную неправду, так как было решение специальной комиссии, возглавляемой Э. Джонсом, вследствие которого скандинавская группа оказалась в сложном положении – Международная психоаналитическая ассоциация (МПА) могла признать ее лишь при условии, что она не примет Райха в свои ряды. Несмотря на давление, скандинавская группа, в которой Райх пользовался большим уважением, отказалась принять членство в МПА на таких условиях и тем не менее была признана без всяких оговорок (*Ollendorff*, 1969, p. 31). Возможно, это произошло не без участия генерального секретаря IPA Анны Фрейд, к которой за разъяснениями обратился В. Райх. Она ответила, что не имеет представления о том, что происходит, и обещала поговорить с Джонсом.

Норвежские психоаналитики предложили Райху войти в их группу, но он отказался. В свете вышеизложенного старый спор о том, исключили Райха из Международной психоаналитической ассоциации или он сам ушел, оказывается бессмысленным: его исключили, но он мог вернуться, однако сам не захотел этого.

Райх решил, что его работа в рамках психоанализа подошла к концу, и новые концепции, которые он разрабатывал, не согласуются с теорией Фрейда. Его психотерапевтическая практика также все больше отличалась от психоанализа. Райх значительно ускорил процесс «автономизации» собственной науки, ее отделение от психоанализа. «Я правильно изложил на естественнонаучной основе то, что содержалось в психоанализе, но моя методологическая научная работа не имела ничего общего с психоанализом в том смысле, что она не была его частью и не являлась выводами из психоаналитических идей. Я лишь положил свое орлиное яйцо в гнездо с куриными яйцами. Потом я вытащил его и поместил в свое собственное гнездо» (*Higgins and Raphael*, 1967, p. 44).

Тем не менее Ильза Оллендорф пишет, что исключение из Международной психоаналитической ассоциации явилось сильным потрясением для Райха, он «потерял друзей и дом для работы. Многие не перенесли бы подобного испытания и сломались под этим грузом, но Райх с его невероятной энергией быстро восстановил рабочее состояние и начал строить свою отдельную организацию вместе с теми, кто продолжал верить в его идеи» (*Ollendorff*, 1969, p. 35).

Обучающие семинары по технике характероанализа, которые Райх начал проводить в Осло, имели большой успех у скандинавских психоаналитиков. Вполне вероятно, что именно этот успех в сочетании с «эгоцентрированным» характером Райха стал причиной еще одной потери в его жизни. Вместе с Райхом из Берлина в Осло эмигрировал Отто Фенихель¹¹, его близкий друг и коллега, входивший в Берлине в кружок аналитиков, образовавшийся вокруг Райха. Фенихель согласился на его предложение информировать коллег из Международной психоаналитической

¹¹ Отто Фенихель – известный психоаналитик, доктор медицины. Автор книг «Проблемы психоаналитической техники» (1941), «Психоаналитическая теория неврозов» (1945).

ассоциации о развитии теории Райха. Через некоторое время в своем обращении к психоаналитикам Дании, Норвегии и Германии, которые находились в конфликте с Фрейдом, Райх написал, что «глубоко сожалеет о том, что так доверял Фенихелю и рассчитывал на его помощь... Хотя сначала Фенихель профессионально информировал наших коллег о моих теориях и даже защищал их, но затем, по мере возрастания трудностей, он все больше и больше пытался уладить противоречия, обобщить понятия – примирить все стороны... Фенихель никогда не хотел безоговорочно встать на мою научную платформу. Он никогда не хотел быть лишь одним из "группы Райха", но в то же время он ничего не предпринимал против теории инстинкта смерти и всего, что с ней связано... Мое организационное поражение на конгрессе было делом рук Фенихеля, который воспользовался данной ситуацией в качестве основы для своей собственной работы. Когда же он почувствовал, что я все больше и больше становлюсь обузой для него, он повернулся ко мне спиной, стал мстить и наконец, как я уже говорил, выступил против моего восстановления – все под тем же предлогом, что защищает от меня общее дело» (Reich, 1994, p. 14).

Я привел эту цитату для того, чтобы наглядно продемонстрировать воинствующую позицию Райха, его личностную противоречивость и провокационность поведения. В его обвинениях отчетливо прослеживается защитный механизм – проекция на Фенихеля собственных бессознательных тенденций. Вместе с тем нельзя отрицать и то, что реальные научные и клинические достижения Райха действительно являлись предметом профессиональной зависти многих психоаналитиков, а после исключения Райха и его последующей дискредитации они воспроизводились разными авторами в различных работах без каких-либо ссылок на «опального» аналитика¹².

Отто Фенихель организовал свой собственный психоаналитический семинар в Осло, но спустя некоторое время его участники стали проявлять желание перейти на обучение к Райху. Существование семинара Фенихеля стало проблематичным, и в 1935 году он переехал из Осло сначала в Чехословакию, а потом в США. Очень теплое, дружеское отношение к Райху сменилось у Фенихеля ненавистью к нему. Позже Райх обвинял его в распускании слухов о его параноидальной шизофрении. Потеряв очередного близкого друга, он, видимо, не сделал никаких других выводов для себя, кроме того что Фенихель оказался коварным и виновен в

¹² В частности, будучи в США, Райх встречался с Карен Хорни, и они обменялись представлениями о развитии психоаналитической теории и практики. Позднее Райх жаловался, что Хорни заимствовала у него некоторые его идеи относительно формирования характера и использовала их в своих работах без ссылки на него. При этом Хорни, с точки зрения Райха, исключила из его концепции наиболее важные аспекты, такие как сексуальность, биоэнергетика, либидо и др. В 1952 году в интервью хранителю архива Фрейда, доктору Эйсслеру, Райх высказал мнение, что Хорни практически дословно заимствовала его идеи для описания невротических жизненных позиций: движение к людям, движение против людей, движение от людей (см. Хорни, 2019). Сама К. Хорни впоследствии признала свой долг перед Райхом за его творческую стимуляцию и за акцентирование необходимости анализа невротических защитных тенденций характера (Developments in K. Horney's psychoanalysis 1950–1970. J. L. Rubins, ed. N. Y., 197. P. 25–26). (Информация предоставлена В.В. Старовойтовым).

произошедшем. Подобные ситуации уже имели место в прошлом у Райха и будут с неумолимостью повторяться до конца его жизни.

В феврале 1936 года Райх основал в Осло Институт сексуально-экономических и биологических исследований. Он начал проводить эксперименты, изучающие биофизические аспекты поведения человека. Главная их цель – открытие физической основы эмоциональных расстройств человека и разработка методик, восстанавливающих биофизическое равновесие посредством освобождения вегетативной энергии (биоэнергии).

Ядро института составили психоаналитики, поддерживавшие Райха в Люцерне и выразившие желание участвовать в разработке новых телесно-ориентированных подходов в психотерапии. На основе многочисленных клинических наблюдений и анализа результатов специальных экспериментов Райх делает вывод, что панцирь характера имеет не только психологическую, но и телесную составляющую. Он полагает, что физический характерный панцирь образуют хронические мышечные напряжения, которые представляют собой «соматическую сторону процесса вытеснения и основу его продолжающегося существования» (Reich, 1970, p. 231). По мнению Райха, телесный и психологический панцири функционально тождественны, то есть ригидность мускулатуры и психологические защитные механизмы «имеют одни и те же функции в психическом аппарате; они способны заменять друг друга и подвержены взаимному влиянию. По существу, они не могут быть разделены» (Reich, 1970, p. 211). Мышечный панцирь активно противодействует превращению бессознательных процессов в сознательные и сопротивляется любому психологическому изменению.

Райх обнаружил, что «люди реагируют интенсивной ненавистью на всякую попытку нарушить невротическое равновесие, поддерживаемое их защитным панцирем» (Reich, 1970, p. 106). В связи с этим он подчеркнул важность расслабления мышечного панциря и высвобождения блокируемой им энергии в дополнение к аналитической работе с психологическим материалом. Телесная «броня», мешая свободной циркуляции энергии в теле, приводит, по Райху, к сдерживанию сильных эмоций, выражению которых препятствует страх. «Неразрешенные» эмоции подавляются, ограничиваются или искажаются, порождая феномен «неоконченных эмоциональных переживаний». Постоянное удержание их под контролем приводит к еще большей телесной и психологической ригидности¹³. Если, например, сдерживаются сексуальные чувства, то, как отмечает Райх, у человека возникают эмоции агрессии, гнева, ярости как реакция на фрустрацию, вызванную лишенностью сексуального удовлетворения. Эти эмоции, в свою очередь, подавляются телесной «броней».

¹³ Ригидность – разновидность мышечной гипертонии (патологически повышенного мышечного тонуса). Мышечный тонус – активность мышц, обеспечивающая их готовность к действию. Ригидность равномерно охватывает мышцы – агонисты и антагонисты – и при пассивных движениях проявляется или в равномерном «воскообразном» сопротивлении мышц растяжению, или в ритмическом толчкообразном сопротивлении (феномен «зубчатого колеса»).

Райх описывает, как «зажатый своим защитным панцирем человек не способен выразить простейшие эмоции. Ему знакомо лишь ощущение щекотки, а не сексуального удовольствия. Он не может испустить вздох удовольствия или имитировать его. Если он попытается – это будет стон, сдавленное рычание или импульс рвоты. Он не способен также испустить гневный крик или даже изобразить удар кулаком по кушетке» (Reich, 1970, р. 366). Распускание мышечной «брони» и разблокирование неоконченных эмоциональных переживаний позволяет пережить их повторно, но на этот раз полностью, завершив внутренний опыт и сняв эмоциональное напряжение.

Таким образом, один из возможных путей формирования хронических мышечных зажимов может быть описан следующим образом: сексуальное возбуждение сопровождается страхом наказания; страх рождает тревогу; тревога активизирует телесный панцирь; телесный панцирь подавляет сексуальный импульс; возникает фрустрация; фрустрация ведет к агрессии; агрессия сопровождается страхом наказания; страх рождает тревогу; тревога активизирует телесный панцирь, который подавляет негативные эмоции.

Новые теоретические подходы к пониманию личности человека как единства психики и тела формировались у Райха параллельно с разработкой нового метода психотерапии, который получил у него название «характероаналитическая вегетотерапия».

Вегетотерапия включает в себя: 1) анализ физических аспектов характера пациента (характерной позы, телесных привычек, стереотипных жестов и движений и т. п.) и провоцирование сдерживаемых эмоций путем усиления телесных стереотипов; 2) применение глубокого интенсивного дыхания для «накопления энергии в теле», «энергетизации» хронических мышечных зажимов и достижения эмоциональной и энергетической разрядки; 3) телесную проработку напряженных частей тела пациента, находящегося в измененном состоянии сознания, индуцированном глубоким дыханием; 4) анализ телесных и психологических сопротивлений, блокирующих полноценное эмоциональное самовыражение; 5) анализ и интерпретации вербального и невербального материала, получаемого в ходе психотерапии.

По сравнению с классическим психоанализом, работающим с вербальным материалом, вегетотерапия начинается с анализа «телесного материала». Райхианский терапевт помогает пациентам осознать характерные проявления их мышечного панциря (индивидуальные физические позы, жесты, привычные движения) и понять, как они используют их для подавления тревоги и защиты от неудовольствия. Для этого применяются различные приемы: психотерапевт может копировать характерные позы, движения пациента; пациенту предлагается самому усилить обнаруженный мышечный зажим или привычный телесный стереотип (например, еще больше ссутулиться, активнее закрыть руками живот, еще сильнее выгнуть таз назад, сильнее сжать челюсти и т. п.). Усиление уже существующей ригидности необходимо для того, чтобы лучше прочувствовать телесную «броню» и выявить эмоции, связанные с психотравмирующими

событиями раннего детства, воспоминания о которых подавляются с помощью соответствующих мышечных зажимов.

Защитное поведение, по Райху, выражается не только в психологических защитах или телесной «броней», но и в стесненном дыхании. Например, проявление сексуальных или агрессивных чувств, как правило, связано с опасностью и наказанием, и человек путем напряжения различных частей своего тела пытается или подавить, или хотя бы удержать под контролем выражение таких эмоций. Мышечные напряжения, в свою очередь, приводят к нарушению дыхания. Согласно Райху, пока у человека заблокировано эмоциональное самовыражение, дыхание не может быть свободным. Сочетать напряжение дыхательных мышц (мышцы шеи и горла, груди, диафрагмы, живота) с глубоким дыханием невозможно. Поэтому глубокое дыхание, сознательно поддерживаемое в течение продолжительного времени, сначала усиливает напряжение дыхательных мышц, а затем приводит к их расслаблению и разблокированию соответствующих эмоций. Райх первым начал применять в психотерапевтических целях глубокое и частое дыхание и работать с пациентом, погруженным в измененное состояние сознания, вызванное воздействием интенсивного дыхания. Интенсивное дыхание, с точки зрения Райха, помогает активизировать ранее не осознаваемые глубинные мышечные зажимы и сдерживаемые ими эмоции, а также способствует эмоциональной и энергетической разрядке, освобождению от телесной брони и достижению физического расслабления.

Для освобождения мышц от перенапряжения и расслабления телесной «брони» Райх разработал ряд специальных техник, включающих в себя осуществляемое психотерапевтом прямое физическое манипулирование телом пациента; проводимую самим пациентом под наблюдением психотерапевта работу по имитированию и провоцированию эмоциональных состояний; выполнение пациентом специальных движений, ударов, физических упражнений; работу над освобождением звука при эмоциональных проявлениях.

Райх считал, что мышечный панцирь можно наблюдать на семи уровнях тела: на уровне глаз, рта, шеи, груди, диафрагмы, живота и таза. Хронические мускульные зажимы на каждом уровне действуют как горизонтальные барьеры на пути свободного течения энергии вверх и вниз по телу, блокируют полное переживание значимых ситуаций и порождают неоконченные эмоциональные переживания. Вегетотерапевтические техники различаются в зависимости от проработки того или иного круга мышечной «брони». Райх указывает, что по мере нисхождения с первого уровня (область глаз) до последнего (область таза) хронические мускульные зажимы сдерживают все более глубокие и значимые для пациента неоконченные эмоциональные переживания. В связи с этим в вегетотерапии принята постепенная, последовательная телесная проработка защитного панциря сверху вниз, начиная с первого мышечного круга напряжений и заканчивая последним. Райх настаивает на том, чтобы переход к следующему уровню осуществлялся лишь после ликвидации «брони» и эмоционального высвобождения на предыдущем этапе.

В качестве примера заметим, что одна из самых мощных и универсальных защитных мышечных систем находится в челюстном суставе (второй уровень телесной «брони» – область рта). Сомкнутые челюсти удерживают яростные атаки эмоций, пряча и маскируя чувства страха, ужаса, скрывая удовольствие, радость, сочувствие, формируя телесную маску, выражающую силу, уверенность, храбрость и полное самообладание. Расслабление защитной «брони» на уровне рта осуществляется путем постоянного (в ходе телесной проработки) поддержания глубокого дыхания; надавливания при выдохе на мышцы в районе челюстного сустава до болевых ощущений; массажирующего телесных зажимов в районе рта, подбородка, челюсти; использования рвотного рефлекса; поощрения высвобождения напряжения с помощью различных эмоциональных и звуковых проявлений (агрессивных криков, гневных выпадов, обвинительных речей, плача навзрыд, мольбы о любви и помощи и т. п.). Если после такой телесной проработки не последует психоаналитическая работа по анализу и интерпретации полученного вербального и невербального материала, а также сопротивлений его выражению, то достигнутое в ходе катарсического отреагирования расслабление мышечной «брони» через некоторое время сменится восстановленным хроническим напряжением.

Райх утверждал, что постепенное и систематическое расслабление мышечного панциря и восстановление свободного протекания энергии теле приводит к замене ригидного невротического контроля на способность произвольно регулировать действия собственных защитных систем: активизировать мышечную «броню» в случае необходимости или, напротив, полностью снимать ее и предаваться свободному эмоциональному самовыражению.

Теоретические и практические исследования Райха, проведенные им в «скандинавский» период, дали мощный толчок развитию различных психотерапевтических направлений. Вегетотерапия Райха является базовым методом для многообразных современных видов телесно-ориентированной психотерапии (биоэнергетики А. Лоуэна и Дж. Пьерракоса, первичной терапии А. Янова, метода Фельденкрайса, структурной интеграции, метода Александера, танцевальной терапии и др.). Основные идеи Райха оказали сильное влияние на основателя гештальт-терапии Ф. Перлза, который проходил личный психоанализ у Райха и в дальнейшем включил многие теоретические положения и практические техники вегетотерапии в гештальт-терапию. Такие экзотические методы психотерапии, как «дыхательные» (ребефинг, вайвэйшн, холотропная терапия С. Грофа и др.), во многом воспроизводят технику работы с пациентом в вегетотерапии, но упрощенно интерпретируют возникающие у него переживания с мистической точки зрения.

Райх продолжал говорить о развитии психоаналитических концепций, но его творческая активность все больше направлялась на построение собственного научного фундамента для разрабатываемых им идей. Таким «гнездом для орлиного яйца» стала сначала сексуальная экономика и вегетотерапия, а позднее теория оргона. Пытаясь сделать свою науку

автономной, Райх поставил своих учеников и сотрудников перед выбором: или они идут с ним до конца, или уходят. Компромиссы были исключены.

Психоаналитики и психотерапевты, приезжавшие из разных стран в институт к Райху для обучения характероанализу и прохождения личного анализа и супервизии, попадали в сложную ситуацию. Обучение Райх ставил в прямую зависимость от их участия в биологических экспериментах. Для многих психоаналитиков это было непонятно и неприемлемо. Известный норвежский психиатр Ник Вааль¹⁴, близкий друг и коллега Райха, поддерживавшая его в Люцерне, принимавшая его сексуально-экономический подход, характероанализ и вегетотерапию, отказалась исследовать совместно с Райхом органомию, объясняя свой отказ непониманием оргонной теории. За это Райх разорвал с ней дружеские отношения и прекратил всякие контакты. Позднее Ник Вааль говорила Ильзе Оллендорф, что жалеет об их разрыве и продолжает считать Райха своим учителем (*Ollendorff, 1969, p. 41*). Активное пропагандирование Райхом своих идей, бескомпромиссный стиль его выступлений, абсолютная уверенность в своей правоте и отрицание других точек зрения отчуждали от него самостоятельных талантливых сотрудников и коллег, вызывали раздражение, которое часто переходило во враждебность.

В сентябре 1937 года в норвежских газетах началась кампания, направленная против Райха. Статьи дискредитировали профессиональный статус Райха, унижали его человеческое достоинство, насмехались над его идеями и разработками, содержали и явную ложь, и полуправду и клевету. Зная Райха, можно было бы предположить, что он включится в навязываемую ему борьбу. Однако, несмотря на советы друзей и коллег, он отказался от публичной самозащиты и не стал принимать участие в дискуссиях, объясняя свою позицию тем, что не должен опускаться до уровня тех, кто нападает на него, что рано или поздно правда о нем и его работах восторжествует. Райх не отвечал атакующим его газетчикам, но, по свидетельству Ильзы Оллендорф, возникавшие при этом раздражение и злость вымещал на близких ему людях, находившихся от него в полной зависимости: жене, сотрудниках института. «Ухудшающийся процесс», о котором говорила Анни Райх, по-видимому, еще больше усилился. После начала кампании подозрительность и недоверчивость Райха значительно обострились. Он стал бояться, что все хотят украсть у него его научные идеи. Именно в этот момент он ввел правило, за выполнением которого неукоснительно следил до конца жизни: все его коллеги, с которыми он работал, должны были записывать свои идеи, ставить подпись и дату.

Можно, конечно, вслед за Дж. Фейдименом и Р. Фрейгером считать, что внешний мир был слишком жесток по отношению к Райху и поэтому с его стороны «некоторая доля параноидальности представляла вполне реалистичную оценку ситуации, а вовсе не иррациональную или неоправданную склонность» (Фейдимен, Фрейгер, 1992, с. 35). Тем не менее, с моей

¹⁴ Ник Вааль – основательница и руководитель Центра терапии психических заболеваний детей в Осло. В настоящее время это Институт Ник Вааль.

точки зрения, происходящее вновь и вновь укладывается в иную цепочку: желание получить признание (прощение) – страх фрустрации – провоцирование неудачи – снятие с себя ответственности за неудачу и перенос вины на внешнюю, фрустрирующую силу – уход в новый поиск признания – и круг повторяется.

Усилившаяся агрессивность по отношению к сотрудникам и авторитарный стиль руководства Райха резко контрастировали с его теоретическими концепциями. Такое же несоответствие возникло и в его психотерапевтической практике. С переходом к вегетотерапевтическим техникам Райх свел до минимума психоаналитическую работу с пациентами. Многие коллеги и пациенты Райха стали обвинять его в том, что в собственной клинической практике он перестал осознавать свой контрперенос и владеть им. Претензии к Райху заключались в том, что он бессознательно усиливал позитивный перенос пациентов на себя, привязывал их к себе. Дело дошло до того, что один из ближайших коллег Райха, доктор Филипсон, назвал его диктатором, который не дает другим стать свободными, самостоятельными личностями (*Ollendorff, 1969, p. 46*). Райх реагировал на такие атаки крайне болезненно, отвергая все обвинения и настаивая на своей правоте. Он напоминал, что многие известные психоаналитики, члены Международной психоаналитической ассоциации, прошли у него анализ, обучение, супервизию и сейчас шли собственным, независимым от него путем.

Тем не менее недоверие к Райху как практикующему аналитику возрастало. Одна из стратегий проработки позитивного переноса в начальной фазе анализа заключалась в том, чтобы помочь пациенту осознать его как защиту от более глубоких негативных эмоций. Райх поощрял пациентов выражать агрессивность по отношению к нему, создавая при этом атмосферу безопасности и защищенности. Пациент, если он чувствует себя в безопасности и доверяет аналитику, может перестать сопротивляться переносу и выплеснуть агрессивные эмоции, имеющие отношение к значимым фигурам его детства, на аналитика. Если же терапевт в этот момент будет не в состоянии осознать свой контрперенос и овладеть им, а, напротив,отреагирует возникшие у него ответные агрессивные чувства (переведет их в действия), то деструктивные последствия для пациента могут быть очень значительными. Райх отмечал, что главным условием проведения такой терапии является способность психоаналитика осознавать, прорабатывать и включать в анализ свой контрперенос, а также проработка значительной части своих личных психологических проблем. Ученик Райха, американский психотерапевт Э. Бейкер, в связи с этим подчеркивал, что «терапевту не следует заниматься пациентом, у которого проблемы те же, какие он не смог преодолеть в себе, и не следует ждать, что пациент сможет то, чего сам терапевт не смог сделать» (Фейдимен, Фрейгер, 1992, с. 58).

Возвращаясь к проблемам, возникшим у Райха в Осло в конце 30-х годов, можно предположить, что непроизвольные вспышки агрессивности, направленные на близких и коллег, проявили себя и в его психотерапевтической практике. Он мог контролировать свои внутренние конфликты,

когда напряжение было не так велико, но при их сильной активизации Райх, видимо, уже не мог справиться с контрпереносом и эмоционально «разряжался» в ответ на проявление агрессии у пациента.

Газетные статьи, обвиняющие Райха во всех смертных грехах, старая боль, связанная с отношениями к матери и отцу, подавленная агрессия и неуверенность в себе стали проявляться в усилении ревности. Эльза Линденберг, вторая жена Райха¹⁵, не давала для этого никакого повода. Он же был уверен, что она изменяет ему. Эльза, не выдержав приступов его ревности, вынуждена была уйти. Ильза Оллендорф писала, что ей самой пришлось пережить то же самое спустя пятнадцать лет, когда Райха преследовало Федеральное продовольственное и лекарственное управление США (*Ollendorff*, 1969, p. 44).

Вспышки агрессии, направленные на сотрудников, приводили ко все большей изоляции Райха. В 1938 году он пришел к тому результату, к которому, возможно, бессознательно мазохистски стремился – к ощущению глубокого внутреннего одиночества и отчаяния. Остался один, уже наработанный выход – бегство от старых конфликтов и уход от них в новую ситуацию в надежде на лучшие условия. В 1939 году Райх принимает приглашение занять пост профессора медицинской психологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке и эмигрирует в США.

Динамика «американского» периода жизни и творчества Райха, на мой взгляд, ничем не отличается от «австро-немецкого» или «скандинавского». Он проводит экспериментальные исследования и на основе их результатов делает вывод об открытии «универсальной первичной энергии», которая получает название «оргон». Эйфория первых лет, ожидание признания его теории оргона как открытия мирового масштаба, встреча с Эйнштейном в надежде на его поддержку сменяются последующим нарастанием разочарования и поиском виновной в возможном поражении стороны. Райх провоцирует агрессию извне, чтобы не испытывать боль от неудачи. Такой силой, ответственной за его непризнание, стало для Райха «зараженное эмоциональной чумой» общество, а конкретным палачом – Федеральное продовольственное и лекарственное управление США. Его ученик, создатель самой известной неорайхианской телесно-ориентированной психотерапии (биоэнергетики) Александр Лоуэн, писал, что после смерти Райха он «понял, что человека нельзя спасти вопреки ему самому» (Лоуэн, 1997).

В 1950 году Райх начал разрабатывать специальные технические устройства, которые, как он считал, аккумулируют атмосферную оргонную энергию. С их помощью он стал лечить различные психические и психосоматические заболевания. Характероаналитическая вегетотерапия преобразовалась в биофизическую оргонную терапию.

Прослеживая динамику психотерапевтической работы Райха с пациентами на протяжении всех трех его жизненных этапов (австро-немецкого, скандинавского и американского), можно обнаружить, что с течением

¹⁵ Их брак был гражданским (не был зарегистрирован).

времени он все больше уходил в противоположную сторону от своих идей и разработок 20-х годов. Если тогда он настаивал на спокойном и кропотливом анализе сопротивления и переноса, то в 30-е годы роль осознанной активности пациента уменьшилась и приоритет в терапии получили эмоциональная разрядка и телесные воздействия. В 40-е годы значение усилий самого пациента начало сводиться к минимуму – все решали внешние приборы. Психоаналитика 20-х годов заменил телесный психотерапевт 30-х. Его, в свою очередь, в 40-е годы потеснил оргонный терапевт, который, по словам Райха, «является по существу биотерапевтом, а уже не просто психотерапевтом» (Райх, 1999, с. 241).

В 1954 году Федеральное продовольственное и лекарственное управление США запретило Райху производство и распространение оргонных аккумуляторов. Райх игнорировал запрет и продолжал свою деятельность. В мае 1956 года состоялся суд, на котором он был признан виновным. Его приговорили к двум годам тюремного заключения. Все книги Райха, в которых развивалась его оргонная теория, по постановлению суда были сожжены, а сделанные приборы-аккумуляторы уничтожены. 3 ноября 1957 года в возрасте 60 лет Вильгельм Райх умер от инфаркта в федеральной тюрьме США.

Психоаналитическое и телесно-ориентированное наследие Райха оказалось в тени его поздних работ, посвященных теории оргона. Многие его идеи без каких-либо ссылок на первооткрывателя нашли свое второе рождение в различных психоаналитических, психотерапевтических и околопсихологических концепциях. Но можно сказать вполне определенно, что именно те теоретические, клинические и технические подходы, которые изложены в данной книге¹⁶, сумели пережить все перипетии развития психоанализа. Они не просто повлияли на развитие психоаналитической техники, но и в значительной мере определили ее и вновь возродились в современном психоанализе. Разработанная же Райхом теория оргазма была предана забвению и в психоаналитических кругах, и в академической науке. Тем не менее последующие работы Райха, основанные на идее решающего значения функции оргазма для психического здоровья, легли в основу всего обширного спектра телесно-ориентированных, дыхательных (трансперсональных) и отчасти гештальт-терапевтических методов психотерапии.

Проведенные же Райхом исследования оргонных излучений живых организмов и человека дали пищу для многочисленных спекуляций со стороны людей, оперирующих в своих рассуждениях о человеке преимущественно понятиями «энергия», «космос», «биополе» и т. п.

Русский читатель наконец-то начинает знакомиться с исследованиями Райха по первоисточникам, а не по критическим обзорам, акцентирующим какие-либо фрагменты его работы, или по восторженным поверхностным интерпретациям, делаемым в угоду моде или личным интересам. В настоящее время в России даже в среде психологов,

¹⁶ Этот текст был написан в 1998 г. и издан в качестве вступительной статьи к первому изданию на русском языке книги В. Райха «Характероанализ».

психотерапевтов и психоаналитиков представления о вкладе Райха в развитие психоаналитической теории и техники в большинстве случаев ограничиваются ассоциациями о «мышечной броне», «разрядке эмоций» и т. п. Характероаналитическая вегетотерапия свелась в общественном и профессиональном сознании к чисто телесным способам психотерапевтического манипулирования. Наибольший отзвук в нашей стране, как, впрочем, и в мире, получают сегодня теория оргона и идея построенных на ее основе биоэнергетических аккумуляторов¹⁷. Результатами третьего американского периода исследований Райха, как это ни парадоксально, интересуются в основном экстрасенсы, оккультисты, мистически ориентированные исследователи, то есть то сообщество людей, защитные стереотипы познания и поведения которых сам Райх беспощадно раскрывал в своих психоаналитических и социологических работах.

Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы понимание такой многогранной, сложной и противоречивой личности, как Вильгельм Райх, и изучение его вклада в развитие психоанализа и психотерапии происходило спокойно и осмысленно, по ту сторону отрицаний и восторгов. Метафизическое почитание Райха как учителя жизни, «райхианский бум» в околопсихотерапевтических кругах, который назревает у нас в стране, способны породить лишь толпы дилетантов, спекулирующих на имени Райха и дискредитирующих его научные идеи и методы работы с пациентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джонс Э. Жизнь и деятельность Зигмунда Фрейда. М., 1997.
2. Лоуэн А. От Райха к биоэнергетике // Хрестоматия по гуманистической психотерапии. М., 1997.
3. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб.: ВЕИП, 1995. 288 с.
4. Райх В. Характероанализ: техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков (под общей ред. А.В. Россохина). М.: Республика, 1999, 462 с.
5. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ: В 2 т. М., 1996.
6. Фейдимен Д., Фрейгер Р. Личность и личностный рост. М., 1992.
7. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2019.
8. Хайманн П. О контрпереносе // Антология современного психоанализа (под ред. А.В. Россохина). М., 2000.
9. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория неврозов. Питер, 2019.
10. Bálint M. (1934) Charakteranalyse und Neubeginn // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, 20 (1): 54–65.
11. Cattier M. The Life and Work of W. Reich. N.Y., 1975.
12. Chasseguet-Smirgel J., Grunberger B. Feud or Reich? Psychoanalysis and Illusion. London, 1986.

¹⁷ Больше 90 % ссылок на Райха в интернете посвящены биоэнергетической и экстрасенсорной тематике.

13. *Cremerius J.* (1969) Schweigen als problem der psychoanalytischen // Jahrbuch Der Psychoanalyse, 6. P. 69–103.
14. *Greenfield J.* Wilhelm Reich vs. the U.S.A. N. Y., 1974.
15. *Higgins M. and Raphael C. M.* (Ed.) Reich Speaks of Freud. N. Y., 1967.
16. *Ollendorff Ilse.* Wilhelm Reich. A Personal Biography. N. Y., 1969.
17. *Reich A.* (1951) On Counter-Transference // Internat. J. Psychoanal. 32: 25–31.
18. *Reich A.* (1958) A Special Variation On Technique // Int. J. Psychoanal. 39: 230–234.
19. *Reich W.* (1928) Über Charakteranalyse // Internationale Zeitschrift Fur Psychoanalyse, 14 (2):180–196.
20. *Reich W.* Charakteranalyse. Vienne, 1933. 288 p.
21. *Reich W.* The Function of the Orgasme. The Discovery Of The Orgone. N.Y. 1970. Vol. 1.
22. *Reich W.* Beyond Psychology. Letters and Journals: 1934–1939. N. Y., 1994.
23. *Sterba R.* (1934) Wilhelm Reich: Charakteranalyse, Technik und Grundlagen // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, 20 (3):400–403.

Wilhelm Reich: Beyond Condemnation and Worship

A.V. Rossokhin

Rossokhin Andrey Vladimirovich – Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", full-time member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the *Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis*.

The article is dedicated to a psychoanalytic study of the life and work of one of the most prominent psychoanalysts of the early 20th century, Freud's "favorite son", Wilhelm Reich. As a brilliant clinician, in the first Viennese psychoanalytic period of his work (1921–1934), Reich developed the most important concepts of psychoanalysis technique, which continue to nurture its development up to the present time. During the second Scandinavian period (1934–1939) Reich established the foundations of modern body-oriented psychoanalysis and psychotherapy. The third American period of his work (1939–1957) turned out to be a radical change of subject from the psychoanalytic and even psychotherapeutic space into bioenergetics and orgone therapy using energy accumulators designed by himself. The article analyzes in detail the influence of Reich's personal history and his unprocessed internal conflicts on various collisions of his life and work.

Keywords: Reich, psychoanalysis, orgasm theory, character analysis, resistance, transference, character armor, body armor, body-oriented psychotherapy, bioenergetics.

Приложение

Всю свою зрелую жизнь (с конца 20-х годов и вплоть до смерти) Вильгельм Райх записывал свои научные мысли, идеи, проблемы, возникающие в ходе исследований, материалы своей собственной рефлексии, протоколы клинической практики. Он тщательно сохранял всю личную и профессиональную переписку, которую вел.

Весь этот материал был очень важен для Райха не только в плане его личного использования в научном процессе, но также предназначался для будущих поколений ученых-исследователей, которые, как он полагал, пойдут вслед за ним. В дневниках и рабочих тетрадях Райха встречаются места, которые характеризуют его не с самой лучшей стороны. Разумеется, определенная редакция собственных записей была проделана автором. Однако Райх полагал, что он не волен перекраивать историю своей личной и научной жизни. В 1952 году, за пять лет до своей смерти, в интервью, которое у него брал хранитель архива Фрейда доктор Эйсслер, Райх говорил: «Я никогда не хотел скрывать свою переписку на 100 лет¹⁸. Напротив, я собираюсь ее опубликовать в течение моей жизни. Мне нечего скрывать»¹⁹.

Внезапная смерть Райха нарушила эти планы. Во время неразберихи, последовавшей после его смерти, были украдены практически все его архивы с личными и профессиональными записями. После расследования при помощи судебного иска была возвращена большая часть материалов, тем не менее дневники и записи с 1922 по 1934 год не были найдены. Последующие попытки вернуть документы также не увенчались успехом. Сейчас сложно делать какие-либо предположения относительно этого похищения, однако, используя логику детектива: «Чтобы понять преступление, надо найти мотив», следует обратить внимание, что пропали материалы именно «психоаналитического» периода творчества Райха. Можно предположить, что лицо или лица, которые сделали это, отдавали себе отчет в научной ценности именно этих материалов.

Первая публикация более поздних материалов из архива Райха (1934–1939) состоялась только в 1994 году. Нижеследующая статья Е.А. Смирновой, в которой рассматриваются некоторые темы его записей, основывается на анализе именно этих документов.

А.В. Россохин

¹⁸ Райх здесь имеет в виду то обстоятельство, что значительная часть архива Фрейда закрыта для пользования сроком на 100 лет.

¹⁹ Reich Speaks of Freud. Ed. M. Higgins and C. M. Raphael. N. Y., 1967. P. 113.

ДОН КИХОТ ПСИХОАНАЛИЗА (читая письма и дневники В. Райха)

Е.А. Смирнова

*«Я не могу контролировать безумие этой жизни,
но я могу сохранить ее логику. Там, где жизнь
требует исполнения своих законов,
я могу и должен бороться и защищать их».*
В. Райх

Вильгельм Райх был яркой и неоднозначной фигурой. Он удивляет многогранностью своего таланта и глубиной научных поисков. Но до сих пор не утихают споры о его личности и научной деятельности, осталось много противоречивых мнений и свидетельств о нем.

Знакомство с перепиской и дневниками Райха (за период с 1934 по 1939 год)²⁰ позволяет немного приоткрыть завесу над тем, каким же в действительности был этот человек. За свою жизнь ему пришлось выслушать немало обвинений в свой адрес. В чем только его не обвиняли! Вот что он сам пишет по этому поводу: «Что же они говорили? Что я соблазнитель детей, психопат, душевнобольной, шарлатан, ненадежный и эгоистичный человек»²¹. Но он всегда надеялся, что «когда-нибудь, – в один прекрасный день, лет через 30 или 300, всплывет правда о том, каким я был в действительности»²².

Первое, что поражает при чтении писем и дневников Райха, – это его противоречивость. С одной стороны, он находился в гуще научной жизни и был окружен большим количеством людей, с другой – он оставался необыкновенно одиноким и несчастным, не пытаясь и не желая понять причины своего одиночества. Вообще же тема одиночества отчетливо проступает во многих его письмах и дневниковых записях, определяя его восприятие мира, людей и самого себя. Вот лишь некоторые из его высказываний на этот счет: «Ужасно тяжело осознать тот факт, что ради общего дела нужно стать более одиноким, что нельзя жить, как живут человеческие существа среди других подобных существ»²³. «Я не "фанатик" и не "сумасшедший". Просто я погряз в своей работе так, что это постепенно, но верно добивает меня. Люди любят меня, хотят помочь, но они также хотят жить собственной жизнью, независимо от меня. И это так! Это действительно так для других, для каждого! Но мой случай исключительный в том смысле, что меня не могут удовлетворить иллюзии, связанные с браком, семьей или чем-то еще. По крайней мере, у них есть свое собственное "положение", своя "броня", свои деньги и свое коварство.

²⁰ Отрывки из писем и дневников В. Райха приводятся по изданию: Reich W. Beyond Psychology. Letters and Journals. 1934–1939. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1994.

²¹ Ibid. P. 104.

²² Ibid. P. 6–7.

²³ Ibid. P. 58.

Моя глубокая интуиция по отношению к другим людям когда-нибудь погубит меня... Как ужасно быть одиноким и вынести то, что я должен вынести. Все хотят от меня любви. И я должен им ее дать!»²⁴

Тема одиночества перекликается с темой отчуждения от внешнего мира, от людей. «Я чувствую себя комфортно лишь в собственной комнате. Здесь я все тот же Вилли Райх. А там, в "реальной жизни", в кафе или кино, я – "особенный человек", "чужой"»²⁵. «Я чувствую себя комфортно лишь на работе или в объятиях любимой женщины»²⁶. Райх боялся «реальной жизни», обвиняя других людей в своей оторванности от нее. «Во-первых, ошибочной является не моя агрессивность, а моя снисходительность. Во-вторых, когда я обращаюсь к людям, они, чувствуя себя привлекательными, боятся оказаться в затруднительном положении и бегут прочь. Я не давлю на людей, но пробуждаю у них страх попасть в ловушку»²⁷. «Моя изоляция кажется неизбежной. Люди боятся приглашать меня в общество, потому что я имею "разрушительное влияние". Почему? Они чувствуют себя обиженными, так как я прекрасно их вижу. Я же, в свою очередь, чувствую себя лишним, поскольку они не правы. Они прячутся и остаются поверхностными. Подобно насекомым, они слетаются на свет моего интеллекта, испытывая при этом страх»²⁸.

Еще один пласт противоречий – двойственное отношение к близким людям. С одной стороны – повышенная потребность в любви и признании, с другой – неумение принять эту любовь и дать ее. Следующий отрывок из письма Райха к его бывшей жене Анни Райх от 5 января 1935 года наглядно это демонстрирует:

«...Конечно, это ужасно – зависеть от меня в материальном плане, но совсем по другой причине, чем ты подозреваешь. Не потому, что я не выношу обязательств. Вся моя жизнь является *добровольным*²⁹ обязательством; я приношу огромное количество жертв и вынужден тащить гораздо более тяжелый воз обязанностей, чем это можно ожидать от некоторых моих критиков. Я лишь сопротивляюсь неразумным, бессмысленным обязанностям, которые мешают или однажды помешают выполнить мою главную задачу... Ты пишешь, что можешь свободно разговаривать со мной, лишь когда тебе ничего от меня не нужно. Ты попала в самую точку. Эксперименты, которые я в последние месяцы провел с людьми, зависимыми от меня в материальном отношении, окончательно помогли мне решить эту задачу. Главная проблема не в том, что я скуп и не хочу дать денег. Напротив, мои друзья, как мужчины, так и женщины, странным образом реагируют (и до сих пор мне это непонятно) на другую, совершенно нормальную мою черту. Я окружаю огромной любовью и заботой человека, от которого я чего-нибудь ожидаю, будь то в личном или в материальном плане. *Моя броня слишком тяжела для меня.* Следовательно,

²⁴ Ibid. P. 181.

²⁵ Ibid. P. 188.

²⁶ Ibid. P. 225.

²⁷ Ibid. P. 28–29.

²⁸ Ibid. P. 115.

²⁹ Курсив в письмах и дневниковых записях – В. Райха.

я провоцирую другого человека так вести себя по отношению ко мне, как он вел бы себя по отношению к собственной матери со всеми вытекающими отсюда противоречиями. Я слишком много вмешиваюсь во все дела. Я так растворяюсь в другом человеке, что он не может этого вынести. Когда же я отхожу, разочарованный, то это бывает иногда ужасно и жестоко, потому что я обладаю способностью отделяться. Обычно это происходит очень поздно. Мои надежды и ожидания так велики. И в этом моя ошибка; я сливаюсь с другим человеком... Это мой самый главный и досадный недостаток. Я так люблю, что затем вынужден ненавидеть и отражать тяжелые удары. В действительности я обладаю иной структурой характера, структурой, которая не вписывается в этот мир, и поэтому многие люди мне сочувствуют. Я окружил Эльзу³⁰ (как и тебя в первые годы) "нежной заботой и любовью", ничего не оставляя себе. Это было ошибкой. Ты гораздо более сдержанна и когда любишь, и когда ненавидишь. Характеристика, которую я дал, позволяет мне схватывать реальные процессы жизни проще и быстрее, чем это может сделать средний человек, но мне приходится платить за это большими страданиями. Например, я не знаю, сколько людей способно, как и я, распознать, почувствовать или заметить малейшие признаки разрушительной катастрофы, которая надвигается на нас в форме национал-социалистического движения. Именно благодаря этой способности я вижу эмоции других людей до их проявления; собственно это и сделало из меня характероаналитика. В этом и заключается причина. Мне не хватает терпения выносить иррациональное поведение, в том числе и мое собственное. Я определяю малейшие признаки подобного поведения и часто размышляю над этой странной способностью. Иногда мне очень нелегко, потому что это необычно и "ненормально". Лили, это и ничто другое составляет мое заболевание. Правда и в том, что мне приходится сталкиваться с опасностью личного (необъективного) одиночества, но в этом и заключается сущность моей исследовательской работы. Это, если хочешь, рок, сопровождающий великое открытие.

Я чувствую себя совершенно способным работать, ненавидеть и любить и лишь боюсь, что устану от невротической ситуации, которая может сложиться при этом для меня. Вообще же я спокоен и борюсь только с собственной потребностью в броне. Я опасаясь того, что постепенно потеряю свои лучшие интуитивные качества. А это уже серьезно!»³¹

Райх не раз настойчиво пытался доказать себе и миру, что не он виноват в своем одиночестве и изоляции. Ему трудно было допустить мысль, что, возможно, он сам должен был бы измениться, чтобы исправить существующее положение. «Люди покрыты броней! Это чувствуется при каждом стремлении к прогрессу. Это равнодушие и профессиональная беспристрастность!»³² «Ясно, что моя работа будет мне стоить моих детей; мир жесток... Одиночество неизбежно»³³. «Я очень осторожен, оправданно

³⁰ Эльза Линденберг, вторая жена В. Райха.

³¹ Reich W. Beyond Psychology... P. 18–19.

³² Ibid. P. 5.

³³ Ibid. P. 58.

осторожен. Люди способны что-то понять лишь в ограниченной степени. Я несправедлив только тогда, когда упрекаю их в том, что 1) они сопротивляются неврозам, 2) не знают, что обманывают самих себя, обещая больше, чем могут выполнить».

Нередко Райх писал о так называемых «тяжелых полосах» в своей жизни, которые еще больше отдаляли его от людей. «Снова я попал в полосу большого внутреннего кризиса. Необходимо порвать с прошлым! Нужно забыть! Идти вперед»³⁴. Но реально ли забыть прошлое? Родителей, жену, детей от первого брака, друзей, коллег, Фрейда, с которым он к этому времени порвал? Все вновь и вновь возвращалось и преследовало его. Переживая эти мучительные периоды, Райх либо начинал обвинять во всем себя, самоуничижаясь и страдая, либо, напротив, непомерно возвеличивал свою личность, неадекватно оценивая как свои, так и чужие чувства, мысли, поступки: «Я ничто, буквально ничто... Я боюсь за работу и за самого себя, когда сталкиваюсь с эмоциональными реакциями моих лучших сотрудников... Возможно, что чем шире круг людей, тем более одиноким я становлюсь. Этот кризис снова требует разрыва со старым, привычным. Какой чертовски хороший у меня нюх на людей, слишком хороший, благодаря моей интуиции! Если бы я мог лучше его использовать. Это мое слабое место»³⁵. «Я умнею и учусь подавлять свою ярость по поводу глупости и не поддаваться чужим идеям. Я борюсь с проблемой жизни и смерти, и никто об этом не подозревает. Тяжелая ноша – это знание»³⁶. «В сущности, я великий человек, редкость, так сказать. Но я сам до конца в это не верю, поэтому и борюсь против этой роли великого человека»³⁷. «Огромная известность станет причиной моего полного одиночества! Уже сейчас людям лестно находиться в моем обществе, но это является для них одновременно и обузой. Я нежеланный гость в собственном доме. Я нарушаю их душевное спокойствие. Они счастливы, когда я отсутствую несколько дней. Я, так сказать, стал авторитетом. Это оказывает "подавляющее" воздействие – люди хотят чего-то простого, удобного, беззаботного. Они не желают, чтобы "строгие требования" осложняли их жизнь»³⁸.

Райх искал и находил убежище в своей работе: «Я действительно открыл жизнь. Это совершенно невероятно. Я, ничего из себя не представляющий, не академик, сексуальный мошенник в буржуазном смысле этого слова, сделал величайшее открытие столетия. Вчера сказал Вульффу³⁹, что считаю себя значительнее Фрейда»⁴⁰. «Мои ученики постоянно пытаются убедить меня в том, что *их* путь лучше, чем мой собственный. Но прошлое не раз показывало мне, что *мой* путь хотя и опасный,

³⁴ Ibid. P. 101.

³⁵ Reich W. Beyond Psychology... P. 101.

³⁶ Ibid. P. 167.

³⁷ Ibid. P. 215.

³⁸ Ibid. P. 110.

³⁹ Теодор Вульф, нью-йоркский психиатр.

⁴⁰ Reich W. Beyond Psychology... P. 247.

но все же единственно верный»⁴¹. «Я кричу и реву, ищу и исследую, оставаясь ужасно несчастным»⁴². Считая себя значительнее Фрейда, а свой путь единственно верным, Райх относился к себе как к человеку, который в одиночку борется с превратностями судьбы и мировым злом – то есть как к Дон Кихоту. Следующий отрывок из письма Райха к Анни Райх (от 17 ноября 1934 года) как нельзя лучше показывает его отношение к собственной научной деятельности и к своей роли в ней.

«Дорогая Анни!

Твое письмо очень обрадовало меня, и я счастлив выполнить твою просьбу больше рассказывать о своей жизни. Сейчас я переживаю сложный, ужасный, необычайно трудный период. Я приехал в Осло согласно ранее достигнутой договоренности проводить свои эксперименты; но, как всегда, я опять сталкиваюсь с человеческой неуживчивостью, равнодушием и притворным, глубоко парализованным желанием помочь. Потребуется немало усилий для того, чтобы преодолеть все это... Твой вопрос о моей нынешней жизни по сути является более содержательным. Позволь мне приступить к нему. Видишь ли, Анни, когда около тринадцати лет назад я рассказал тебе о моем абсолютно мрачном состоянии духа и столкнулся лишь с непониманием с твоей стороны, я не знал и даже не предполагал, насколько я увяз в этом ужасном, прозябающем существовании с едва заметными признаками жизни и с погубленной надеждой на счастье, на чем и основывается реакционный мистицизм. Есть три выхода из этой ситуации: можно стать покорным или меланхоличным циником... можно сломаться, как все психопаты в мире; или можно бороться против мирового зла, подвергая себя риску стать еще одним Дон Кихотом. Сам того не сознавая, я выбрал последний путь и стал сексологом – и работаю над открытием функции оргазма. Мой выбор оказался одновременно неизбежным и горьким. Я продолжаю борьбу с многочисленными трудностями и немалого добился, но задача так велика, что не видно ни ее конца, ни способа, как ее изменить. Проблемы увеличиваются, подобно разгорающемуся огню. Позволь привести несколько примеров. Закон накопления напряжения, который я рассматриваю в качестве основы оргазма, похоже, контролирует процессы деления клетки; ты обязательно прочитаешь, что антитезис сексуальности – тревога – ведет к обобщенной точке зрения на вегетативный аппарат. И это не моя вина, что я сделал наблюдение, которое вскрыло такое количество материала для обсуждения. Мы, ученые, подобно рыбакам, сидим в полном неведении на берегу реки под названием "жизнь" и забрасываем наугад наши удочки. Один вытягивает только грязь и сорную траву; другому везет – и он вытаскивает кусочек золота; ну а третьему случается ухватиться за нечто такое, что может изменить часть этого мира. Ты должна понять, что я глубоко погружен в предмет исследования и, значит, смогу видеть перспективы задолго до того, как это сделает кто-либо другой, менее сведущий и заинтересованный в этом. Часто такие люди принимают меня за психопата...

⁴¹ Ibid. P. 240.

⁴² Ibid. P. 245.

Я не страдаю манией величия. Я лишь обладаю мучительно хорошей интуицией. Я чувствую многие вещи до того, как действительно начинаю понимать их. И наиболее важные "проявления интуиции" обычно оказываются правильными, как то мое убеждение, которое я высказал в Зеефельде в 1923 году, что эрекция идентична избавлению от псевдопознания, что тревога является бегством в себя. Сейчас, 11 лет спустя, целая новая область в физиологии вращается вокруг этого...

Иногда я впадаю в такое отчаяние. Повсюду столько проблем, с которыми я хотел бы разобраться с биопсихологической точки зрения, прежде чем приступить к сексуально-социологической стороне. Враждебность за враждебностью, сознательная или бессознательная, как ни верти. Люди не могут выдержать, когда им говорят, что они впустую проводят жизнь, что они губят ее. И это не просто сексуальное сопротивление с их стороны. Они боятся осознать собственное вегетативное существование... И разве это недостаточно реальные факты? Поэтому я все еще борюсь и не смогу отступить, даже если и захочу...

Но все еще гораздо более запутано. Мне определенно нужно укрыться от твоих сомнений, потому что я любил тебя и был вынужден бороться с Фрейдом, рисковать своим положением, оставить детей, сделать своими врагами многих людей.

Я часто тоскую по спокойной, мирной работе, но я ведь так много знаю. В Скандинавии у меня сложилась группа из 20 умных, образованных и порядочных человек. Один из них однажды сказал мне: "Почти невозможно обладать таким умом, так много понимать и знать о человеческой жизни". Время и общество, в которых мы живем, пока что против нас. Мы зверски работаем, стараясь поддерживать и ободрять друг друга. Мы не утописты-мечтатели; мы продвигаемся шаг за шагом, от детали к детали с основополагающим взглядом на жизнь, который мы постоянно проверяем. Мы можем в конце концов сломаться, но мы можем и совершить прорыв. Вот как я живу...

Очень часто я начинаю колебаться и сомневаться в вещах, которые когда-то казались мне незыблемыми. Но потом появляется множество подтверждающих фактов из газет, научных движений (как, например, из Оксфордского движения), из тысяч деталей; и я оказываюсь не в состоянии удержать все это. Я страдаю от этого качества, но в то же время я воодушевлен и счастлив быть столпом для значительной группы людей...»⁴³

Итак, Райх пытается решить мировые проблемы, как и Дон Кихот, принимая огромные усилия. Иногда ему кажется, что дело проиграно: «Я похож на ростовщика, вложившего миллионы в разные предприятия, которые прогорели. Теперь у него ничего не осталось, кроме нескольких старых и бесполезных вещей. Но он все еще надеется. Он оглядывается назад, спрашивая себя, сможет ли он еще извлечь какую-нибудь выгоду. Но это невозможно, когда дело не имеет смысла. Мне не хватает свежих сил, чтобы принять тот факт, что проигранное дело безнадежно.

⁴³ Reich W. Beyond Psychology... P. 5–8.

И вот я занимаюсь огромной лабораторией и удивительными проблемами в ожидании шестой эмиграции, без паспорта, потрясенный, недоверчивый и испуганный. Мое положение не из завидных. Что-то внутри меня сломалось»⁴⁴. Райху казалось, что люди неблагодарны и не могут оценить его усилий: «Слабость моих друзей и учеников, ненависть моих врагов, беспомощность моих обожателей и грязные поступки бюрократов вынуждают меня пересечь океан»⁴⁵. «Я начинаю понимать, что никто, кроме меня, не сможет заниматься моим делом или защищать его. Для этого потребуется время и даже много времени»⁴⁶. «Не нужно работать "ради человечества"... Люди в их настоящем положении лишь сводят на нет все усилия. Было бы глупо работать "ради них". Но "работа" на них продолжается»⁴⁷.

Райх, как и Дон Кихот, страстно мечтает о спасении мира. И кажется, что он сознательно взваливает на себя всю тяжесть этой ноши: «Мир не хочет, чтобы его спасали. И у меня отпадет всякое желание его спасти, если я буду продолжать работу над своей собственной частью правды»⁴⁸. «Я спрашиваю себя, неизбежно ли моя судьба связана с моей работой или же она определяется моей внутренней слабостью – то есть тем, что из-за желания победить в своей борьбе я сам становлюсь жестким, ригидным и недостаточно уступчивым в моих личных отношениях. Я уверен, что сам должен позаботиться о том, чтобы спасти себя от крушения...»⁴⁹ И затем: «Несмотря на профессиональный успех, я чувствую себя таким несчастным. Когда же все это оплатится?»⁵⁰

Райх искал счастья и любви, но очень не хотел, чтобы они его связывали: «Вот как дела обстоят на настоящий момент: в то время как я продолжаю заниматься проблемой жизни, в то время как норвежцы запрещают меня и мои взгляды, я бегаю по улицам в поисках любви. Я ищу любви; очень простой, открытой и понятной любви. Женщину, самку с бедрами, которая даст любовь и возьмет ее без глупых ужимок. Но этого нет в нашем мире. Они хотят замуж или желают, чтобы их любили, то есть заботились о них до конца жизни. Но я хочу удовольствия, простого, естественного удовольствия... Кто будет любить *меня*? Кто возьмет *меня*?.. Я хочу очень простой вещи: женщину, которая лишь скажет без всякой задней мысли: "Приди, любимый, и сделаем друг друга счастливыми"»⁵¹.

Райх продолжает работать над «своей собственной частью правды», исследуя жизнь и ее законы. Тема жизни, как и тема одиночества, постоянно присутствует в письмах и дневниках Райха. Вот лишь некоторые из его высказываний: «Дети, которые цветут, цветы, которые растут, груди,

⁴⁴ Ibid. P. 210.

⁴⁵ Ibid. P. 211.

⁴⁶ Ibid. P. 165.

⁴⁷ Raich W. Beyond Psychology... P. 247.

⁴⁸ Ibid. P. 129.

⁴⁹ Reich W. Beyond Psychology... P. 71.

⁵⁰ Ibid. P. 72.

⁵¹ Ibid. P. 129–130.

которые набухают, губы, которые целуют, руки, которые обнимают, – это жизнь, жизнь»⁵². «Я создаю теории жизни, но жизнь не зависит от меня – она просто существует... *Жизнь должна утверждаться*: развитие, радость, удовольствие, дети и рост... Объединение и разделение – жизнь заключена в этих антитезисах... Человек живет, чтобы умереть, и это реальность. Но истина содержится в ритме, экстазе, любви»⁵³.

Итак, жизнь – это радость и любовь. В конечном счете Райх был большим жизнелюбом: «Я люблю свою жизнь – какая удовлетворительная работа!»⁵⁴ «Как логично и честно вела меня жизнь последние 20 лет, вела за руку, так сказать, *нежно и верно*. Она относилась ко мне лучше, чем моя собственная мать, лучше, чем другие женщины. *Она была логичной*. Она открывалась для меня постепенно, вознаграждая каждое открытие другим открытием. Она любила меня, давая озарения и удачу, чтобы распознать ее. И я останусь верным ей»⁵⁵. «Моя жизнь – мое единственное и самое большое удовольствие. И оно постоянно увеличивается»⁵⁶. «Существует так много возможностей и радостей, несмотря на несчастья. Я хочу жить»⁵⁷.

Довольно часто Райх задумывался над тем, как он прожил тот или иной промежуток времени, что успел сделать, что приобрел и что потерял. В день своего сорокалетия он в очередной раз подвел итог прожитой жизни. Вот что он записал в своем дневнике:

«Мое сорокалетие. Возможно, уже прожито от 2/3 до 3/5 моей жизни. Жизни, полной борьбы, боли, удовольствия, жизни, богатой опытом, включая открытие жизненного процесса – моего самого главного праздничного подарка.

Возможно, уже достигнута вершина. Задача великого человека состоит не в том, чтобы справиться с ненужными страданиями в этом мире. Моим достижением является открытие наиболее важных причин этих страданий. Но разве этого достаточно? Начинается новая эра, эра естественности, не тоски по счастью, а достижения этого счастья. Через сто лет люди смогут понять наше время не лучше, чем мы понимаем сожжение еретиков на костре.

Подводя итог сорока годам моей жизни, я думаю в первую очередь о детях – Еве и Лоре, – которые так далеки от меня и так изолированы от меня, что не смогут понять ни моих желаний, ни моей работы...

Я открыл саму жизнь, но мне пришлось заплатить за это частью своей жизни – удовольствием наблюдать, как взрослеют мои дети!!

Итак, мне 40 лет! Я благодарен Эльзе, несмотря ни на что. Я думаю о моей матери, которая заботилась обо мне, любила и лелеяла меня, как бы просто и непостижимо это ни казалось сегодня. Спасибо, мама.

⁵² Ibid. P. 98.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibid. P. 173.

⁵⁵ Ibid. P. 247.

⁵⁶ Ibid. P. 198.

⁵⁷ Ibid. P. 200.

Ты передала мне часть этого страстного желания познать жизнь и получить ее не мистическим, а самым реальным способом.

Что касается меня, то я бы сказал, что искал и даже нашел часть истины. Я сделал честную попытку жить справедливо, несмотря на ошибки и глупости, которые могли все омрачить.

Я любил и все еще люблю детей. Жизнь продолжается.

Я боролся за свое дело, за лучшее существование.

Я чувствовал, как пульсирует вселенная; возможно, я даже чувствовал ее первый шаг вперед. Это могло быть так. Если нет, то я знаю, что я желал этого, боролся, страдая за это. Жизнь нельзя уничтожить!»⁵⁸

Сорок лет – значительный отрезок жизни для каждого человека. Райху было суждено прожить 60 лет. Одиночество и непонимание преследовали его до конца дней. Он, подобно Дон Кихоту, так и не смог победить мировое зло и решить проблемы человечества. Он, подобно Дон Кихоту, в глубине души был наивным романтиком. Но он, в отличие от Дон Кихота, так и не осознал своих ошибок и не отказался от своих иллюзий относительно спасения мира. И он, в отличие от Дон Кихота, умер в полном одиночестве, до конца оставаясь верным принципу: «Победить или оказаться побежденным»⁵⁹.

⁵⁸ Ibid. P. 103–104.

⁵⁹ Reich Ж Beyond Psychology... P. 188.